
THEORY AND HISTORY

Ludwig von Mises

Людвиг фон Мизес

**ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ**

интерпретация
социально-экономической
эволюции

соцум

Людвиг Мизес

**Теория и история:
интерпретация социально-
экономической эволюции**

«Интермедиатор»

УДК 330.831.8
ББК 65.02

Мизес Л. ф.

Теория и история: интерпретация социально-экономической
эволюции / Л. ф. Мизес — «Интермедиатор»,

ISBN 978-5-91603-664-0

Основной труд Людвиг фон Мизеса (1881—1973) в области теории познания и методологии. В нем содержится не только эпистемологические основы разработанного им методологического подхода к экономической науке, но и эпистемология и методология исторической науки. Дана яркая критика таких ложных альтернатив, как историзм и позитивизм. Автор проводит различие между философией истории — комплексом метафизических концепций — и философской интерпретацией истории. Показана несостоятельность марксистского диалектического материализма как одной из разновидностей философии истории. Дана глубокая оценка достижений и перспектив развития западной цивилизации, в основе которой демократия и рыночная экономика, показана нежизнеспособность социализма как системы, не имеющей в своем распоряжении методов экономического расчета. Для экономистов, историков, философов, политологов, социологов, преподавателей и студентов, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами философии, экономики, истории.

УДК 330.831.8

ББК 65.02

ISBN 978-5-91603-664-0

© Мизес Л. ф.
© Интермедиатор

Содержание

Предисловие к первому русскому изданию	7
Предисловие	9
Введение	13
1. Методологический дуализм	13
2. Экономическая наука и метафизика	14
3. Регулярность и предсказание	15
4. Концепция законов природы	16
5. Ограниченность человеческого знания	18
6. Регулярность и выбор	19
7. Средства и цели	21
Часть I Ценность	23
Глава 1. Ценностные суждения	23
1. Ценностные суждения и утверждения о существовании	23
2. Определение ценности и действие	23
3. Субъективность определения ценности	24
4. Логическая и синтаксическая структура ценностных суждений	25
Глава 2 Знание и ценность	27
1. Доктрина предвзятости	27
2. Общее благо против особых интересов	28
3. Экономическая наука и ценность	29
4. Предвзятость и нетерпимость	30
Глава 3	31
1. Проблема	31
2. Конфликты в обществе	32
3. Замечание о мнимом средневековом единодушии	34
4. Идея естественного права	35
5. Откровение	37
6. Атеистическая интуиция	37
7. Идея справедливости	38
8. Доктрина утилитаризма: новая формулировка	40
9. Об эстетических ценностях	42
10. Историческое значение поиска абсолютных ценностей	43
Глава 4 Отрицание ценности	46
Часть II Детерминизм и материализм	47
Глава 5 Детерминизм и его критики	47
1. Детерминизм	47
2. Отрицание идеологических факторов	48
3. Спор о свободе воли	48
4. Предопределение и фатализм	49
5. Детерминизм и пенология	51
6. Детерминизм и статистика	52
7. Автономия наук о человеческой деятельности	55
Глава 6 Материализм	56
1. Две разновидности материализма	56
2. Аналогия секреции	57

3. Политический подтекст материализма	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Людвиг фон Мизес

Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции

Предисловие к первому русскому изданию

Знакомство российского читателя с творчеством одного из величайших мыслителей XX в. – *Людвига фон Мизеса* началось недавно, в начале 90-х годов. Он прославился прежде всего как экономист – продолжатель традиции австрийской школы в экономической науке. Однако менее известно, что Мизес также являлся глубоким философом и политологом.

Его философское наследие, конечно, неразрывно связано с экономической наукой. Мизес всесторонне разработал эпистемологические основания экономической науки и заложил основы новой общей теории познания (последнее остается наименее известным и неопределенным аспектом научного наследия Мизеса, так что нашего читателя ждет еще много открытий). И кроме того, на прочном фундаменте выводов экономической теории он заново сформулировал основные положения утилитаристской этики, уточнив при этом значение основных понятий философии утилитаризма. Правда, большинство современных последователей Мизеса не разделяет его этической теории. Этическая доктрина современных ~~австрийцев~~ базируется на одной из разновидностей теории естественного права.

Возможно, многих удивит тот факт, что в ходе политологического и политического анализа Мизес постоянно обращается к проблемам эпистемологии, а обсуждая эпистемологические вопросы, приходит к политическим выводам. К примеру, он считал позитивизм «эпистемологическим обоснованием тоталитаризма». Но именно в своих эпистемологических сочинениях Мизес разработал, по его собственной оценке, «новую методологию, незаменимую для проведения научного анализа серьезных политических проблем».

Книга «Теория и история» является главным сочинением Людвига фон Мизеса в области теории познания и методологии. В ней содержатся не только эпистемологические основы разработанного им уникального методологического подхода к экономической науке, но и эпистемология и методология исторической науки.

Ядро эпистемологии Мизеса составляет концепция методологического дуализма, основанного на простом, но ключевом положении о том, что метод изучения поведения человеческих существ должен радикально отличаться от метода, с помощью которого анализируются камни, планеты, атомы или молекулы.

Все эпистемологические рассуждения Мизеса начинаются с признания того, что существует фундаментальное различие между областью событий, которые исследуются естественными науками, и сферой человеческой деятельности, являющейся предметом экономической науки и истории. Вообще, предположение о том, что эпистемологические характеристики одной отрасли знания обязательно должны быть применимы во всех остальных, Мизес считал одним из наихудших эпистемологических предрассудков. В своем произведении Мизес также всесторонне исследует важное для его методологической системы различие между теорией и историей. В центре внимания эпистемологические особенности метода исторической науки – метода специфического понимания посредством идеальных типов (в отличие от категорий и понятий, с одной стороны, естественных наук, а с другой – прaksiологии, теоретической науки о человеческой деятельности, частью которой является экономическая теория).

В условиях методологического вакуума, образовавшегося в результате утраты монопольного положения марксистского метода, издание книги Мизеса на русском языке, безусловно,

станет заметным явлением в развитии всех общественных наук в России, и ни одно исследование в области общественных наук не сможет считаться серьезным, если в нем не будет сформулирована позиция автора по отношению к идеям, сформулированным в этом произведении.

А. В. Куряев

Декабрь 2000 г.

Предисловие

За свою долгую и продуктивную жизнь Людвиг фон Мизес опубликовал много книг и статей. Каждая из них стала важным вкладом в теорию и применение экономической науки. Но в их ряду четыре великих шедевра, четыре бессмертных памятника величайшему экономисту и исследователю человеческой деятельности нашего столетия. Первый – «Теория денег и кредита» (1912). С этой работой Мизес утвердился как первоклассный экономист. В ней он впервые интегрировал теорию денег и теорию относительных цен, а также наметил в общих чертах разработанную позже теорию делового цикла. Второе великое произведение Мизеса – «Социализм» (1922), в котором была дана окончательная и исчерпывающая критика социализма и показано, что в условиях социалистического порядка невозможно производить экономические расчеты. Третьим был колоссальный трактат «Человеческая деятельность» (1949), в котором изложена целостная структура экономической теории и анализа действующего человека. Эти три работы оставили след в экономической теории и сыграли важную роль в «австрийском» возрождении, происходившем в США на протяжении последних десятилетий.

Однако четвертое и последнее великое произведение Л. Мизеса «Теория и история» (1957) не имело большого резонанса и редко цитируется даже молодыми экономистами недавнего «австрийского» возрождения. Оно остается забытым шедевром Мизеса. Однако это произведение представляет собой философскую опору и дальнейшее развитие философии, лежащей в основании «Человеческой деятельности». Эта великая методологическая книга Людвиг фон Мизеса объясняет основы его подхода к экономической теории и дает блестящую критику таких ложных альтернатив, как историзм, сциентизм и марксистский диалектический материализм.

Несмотря на свою важность, «Теория и история» не получила известности, потому что в нашу эпоху слепой академической специализации экономическая наука не желает иметь дело ни с чем, что имеет привкус философии. Безусловно, гиперспециализация играет свою роль, но в последние несколько лет интерес к методологии и фундаментальным основам экономической теории резко усилился. Так что можно было предположить, что уж специалисты в *этой* области найдут что обсудить и почерпнуть в этой книге, а экономисты не настолько увязли в жаргоне и путаном стиле, чтобы не откликнуться на ясную и искрометную прозу Мизеса.

Весьма вероятно, что игнорирование «Теории и истории» связано как раз с содержанием ее философского посыла. Многие знают о той долгой и одинокой борьбе, которую Мизес вел против этатизма во имя *laissez faire*, но мало кто понимает, что в среде экономистов существует намного более сильное сопротивление методологии Мизеса, чем его политике. В конце концов, сегодня среди экономистов приверженность свободному рынку не является редким явлением (хотя и не отличается мизесовской безошибочной последовательностью). Но немногие готовы принять на вооружение типично «австрийский» метод, систематизированный Мизесом и названный им «праксиологией».

В основе подхода Мизеса и прaksiологии лежит концепция, с которой он начинает «Теорию и историю»: методологический дуализм, ключевое положение о том, что способ и методология изучения и анализа людей должны радикально отличаться от анализа камней, планет, атомов или молекул. Почему? Очень просто: потому что сущность людей состоит в том, что они имеют цели и намерения и что они пытаются достичь этих целей. Камни, атомы, планеты не имеют целей или предпочтений; следовательно, они не *выбирают* между альтернативными курсами действий. Атомы и планеты движутся или их движут; они не могут выбирать, производить отбор путей действий, менять свои намерения. Мужчины и женщины могут и делают это. Поэтому атомы и камни можно подвергнуть исследованию, можно вычертить их курсы и предсказать траектории. С людьми этого проделать нельзя; каждый день люди учатся, обретаю

новые ценности и цели, меняют свои намерения; в отношении людей невозможно сформулировать предсказаний, как это можно сделать в отношении объектов, не имеющих мозга или не обладающих способностью учиться и выбирать.

Сейчас нам понятно, почему экономисты так упорно сопротивляются подходу Людвиг фон Мизеса. Дело в том, что экономическая наука, подобно всем остальным социальным наукам, находится во власти мифа, который Мизес справедливо и пренебрежительно называл «сциентизмом» – идеи о том, что единственным подлинно «научным» подходом к изучению человека является подражание подходу физических наук, в частности, наиболее престижной из них – физике. Чтобы стать столь же подлинно «научной», как физика и другие естественные науки, экономическая наука должна избегать таких концепций, как намерения, цели и обучение; она должна отвлечься от разума человека и просто описывать события. Она должна не обсуждать изменение намерений, а утверждать, что события предсказуемы, так как по первоначальному девизу Эконометрического общества «наука – это предсказание». А чтобы стать «твердой» и «настоящей» наукой, экономическая теория должна рассматривать людей не как уникальные создания, а как однородные и потому предсказуемые части «данных». Одна из причин, по которой ортодоксальная экономическая теория всегда испытывала огромные трудности с ключевой концепцией предпринимателя, состоит в том, что каждый предприниматель очевидно уникален, а неоклассическая экономическая теория не умеет справляться с индивидуальной уникальностью.

Кроме того, предполагается, что «настоящая» наука должна опираться на один из вариантов позитивизма. Так, в физике ученый сталкивается с большим количеством однородных, единообразных составных частей события, которые можно исследовать на предмет выявления количественных регулярностей и констант, например, скорости, с которой объекты падают на землю. Соответственно, для объяснения классов поведения или движений ученый формулирует гипотезы и затем дедуцирует различные утверждения, с помощью которых он может «проверить» теорию сравнением с реальным, эмпирическим фактом, с наблюдаемыми частями событий. (Например, теория относительности может быть проверена изучением определенных эмпирически наблюдаемых характеристик затмения.) В версии старого позитивизма ученый «верифицирует» (т. е. подтверждает) теорию посредством ее эмпирической проверки. В более нигилистичном неопозитивизме Карла Поппера, в ходе эмпирической проверки исследователь может только «фальсифицировать» (т. е. опровергнуть) или «нефальсифицировать» теорию. В любом случае, его теории всегда являются предварительными и никогда несомненно истинными, поскольку он всегда обнаружит, что другие, альтернативные теории смогут лучше объяснить более широкий класс явлений, что новые факты могут войти в противоречие с теорией. Ученый должен всегда носить маску скромности и непредвзятости.

Одним из проявлений гениальности Людвиг фон Мизеса было осознание, что здравая экономическая теория не следует этим путем, и разработал убедительное обоснование этого любопытного факта. Вокруг скорее идиосинкразического использования Мизесом термина «априори» существовало много ненужной путаницы, что давало энтузиастам современных научных методов шанс воспользоваться ею, чтобы отвергать Мизеса как просто ненаучного мистика. Мизес увидел, что исследователи человеческой деятельности находятся, с одной стороны, в лучшем, а с другой – в худшем, но, вне всяких сомнений, в отличающемся положении, по сравнению с представителями естественных наук. Физик видит перед собой события, состоящие из однородных составных частей, и путем проб и ошибок формулирует и проверяет объясняющие, или причинные теории для этих эмпирических событий. Но в человеческой истории мы, сами будучи людьми, уже *знаем* причины событий; а именно тот первичный факт, что люди имеют цели и намерения и действуют, чтобы их достичь. И этот факт известен не предварительно и с какими-то колебаниями, а абсолютно и аподиктически.

Чтобы продемонстрировать разницу между двумя фундаментальными подходами к человеческому поведению, Мизес на своих лекциях приводил пример: наблюдение за поведением людей на станции Грэнд Сентрал в час пик. «Объективный», или «подлинно научный» бихевиорист, говорил он, будет наблюдать эмпирические события: например, людей, бесцельно мечущихся взад и вперед в определенное предсказуемое время дня. И это *все*, что он узнает. Но истинный исследователь человеческой деятельности начнет с факта, что любое человеческое поведение является целеустремленным, и поймет, что цель состоит в том, чтобы утром добраться из дома до поезда, чтобы доехать до работы, а вечером, наоборот, и т. д. Не возникает никаких сомнений, кто из них узнает больше о человеческом поведении, и, следовательно, кто будет подлинным «ученым».

Именно из этой аксиомы, факта целеустремленного человеческого действия, дедуцируется вся экономическая теория; экономическая наука исследует логические следствия всепроникающего факта действия. Так как мы обладаем абсолютным знанием, что человеческая деятельность является целеустремленной, то знание выводов на каждом шаге логической цепочки обладает такой же достоверностью. В «проверке» этой теории нет никакой необходимости, если эта концепция вообще имеет какой-либо смысл в этом контексте.

Является ли факт человеческой целеустремленной деятельности «верифицируемым»? Является ли он «эмпирическим»? Да, но определенно нет в точном, или количественном понимании, в котором его применяют те, кто подражает физике. Этот эмпиризм – широкий и качественный, вытекающий из сущности человеческого опыта; он не имеет ничего общего со статистикой и историческими событиями. Кроме того, он зависит от того факта, что все мы являемся людьми и поэтому можем использовать это знание, применяя его к другим представителям этого биологического вида. В еще меньшей степени аксиома целеустремленной деятельности является «фальсифицируемой». После того, как это упомянуто и обсуждено, становится таким очевидным, что она составляет самую суть нашего опыта в этом мире.

Точно также экономическая теория не нуждается в «проверке», так как ее невозможно проверить путем сличения ее утверждений с однородными составными частями единообразных событий. Таких событий просто не существует. С помощью использования статистики и количественных данных можно попытаться замаскировать этот факт, но их кажущаяся точность основывается на исторических событиях, которые не являются однородными ни в каком смысле. Любое историческое событие представляет собой сложную, уникальную равнодействующую влияния многих причинных факторов. Так как оно уникально, его нельзя использовать для позитивистских проверок. Так как оно уникально, его также нельзя объединять с другими событиями в форме статистических корреляций и получать при этом какой-либо осмысленный результат. К примеру, при анализе деловых циклов недопустимо считать каждый цикл строго однородным по отношению ко всем другим и, следовательно, складывать, умножать, манипулировать и сопоставлять данные. Усреднение двух временных рядов и гордое заявление, что ряд *X* имеет четырехмесячное опережение по сравнению с рядом *Y* в некоторой фазе цикла, не несет никакого смысла. Так как: (а) ни один конкретный временной ряд может не иметь четырехмесячного опережающего лага, и эти лаги могут иметь широкий разброс значений; и (b) среднее любых прошлых рядов не имеет никакого отношения к будущим данным, которые будут иметь в конечном итоге непредсказуемые отличия от предшествующих циклов.

Благодаря тому что Людвиг фон Мизес разрушал все попытки использовать статистику для построения или проверки теории, его обвиняли в том, что он является чистым теоретиком и не испытывает никакого интереса к истории. Наоборот, и это является центральной темой «Теории и истории», именно позитивистам и бихевиористам недостает уважения к уникальному историческому факту, когда они пытаются втиснуть сложные исторические факты в прокрустово ложе движений атомов или планет. В человеческой деятельности сложное историческое событие само нуждается в объяснении, насколько это возможно, посредством различных

теорий; но оно никогда не может быть полностью или точно детерминировано ни одной теорией. Проблемы, возникающие от того, что предсказания кандидатов в экономические прорицатели всегда сталкиваются с морем данных, особенно тех, которые предъявляют претензии на количественную точность, в главном течении экономической науки решаются путем очередной тонкой настройки модели и повторных попыток. Именно Людвиг фон Мизес признал, что суть далее несводимых человеческих условий составляют свобода разума и выбора, и понял, что, следовательно, научное стремление к детерминизму и полной предсказуемости является поиском невозможного – и поэтому глубоко *ненаучно*.

Нежелание некоторых молодых «австрийцев» бросать вызов господствующей методологической ортодоксии ведет либо к открытому принятию позитивизма, либо вообще к отказу от теории в пользу туманно эмпирического институционализма. Погружение в «теорию и историю» заставило бы осознать, что истинная теория не оторвана от мира реального, действующего человека и что можно отказаться от научных мифов, продолжая использовать аппарат дедуктивной теории.

Подлинного возрождения «австрийской» теории не произойдет до тех пор, пока экономисты не прочитают и не усвоят жизненно важные уроки этого, к сожалению, игнорируемого произведения. Без праксиологии никакая экономическая теория не будет истинно «австрийской» или истинно здоровой.

Мюррей Ротбард
Нью-Йорк, 1985

Введение

1. Методологический дуализм

Смертный человек не знает, какой представляется Вселенная и все, что в ней содержится, сверхчеловеческому интеллекту. Возможно, этот величественный разум будет в состоянии дать логически последовательное и всеобъемлющее объяснение всех явлений. К великому сожалению, по крайней мере до сих пор, человек путался, пытаясь преодолеть пропасть между разумом и материей, наездником и лошадью, каменщиком и камнем. Было бы нелепо представлять эту неудачу в качестве достаточного доказательства правильности дуалистической философии. Единственный вывод, который можно из этого сделать, это то, что наука, – по крайней мере на данном этапе – должна принять на вооружение дуалистический подход не столько в качестве философского объяснения, а скорее как методологический прием.

Методологический дуализм воздерживается от любых утверждений по поводу сущностей и метафизических концепций. Он просто учитывает тот факт, что мы не знаем, каким образом внешние события – физические, химические и физиологические – влияют на человеческие мысли, идеи и ценностные суждения. Все это расщепляет царство знания на две отдельные области: царство внешних событий, обычно называемое природой, и царство человеческого мышления и деятельности.

Наши предки смотрели на эту проблему с этической или религиозной точек зрения. Материалистический монизм отвергался как несовместимый с христианским дуализмом Создателя и создания, бессмертной души и смертного тела. Детерминизм отвергался как несовместимый с основополагающими принципами морали, а также с уголовным кодексом. Большая часть аргументов, выдвигавшихся в этих спорах в поддержку соответствующих догм, были несущественными и неуместны с точки зрения методологии сегодняшнего дня. Детерминисты ограничивались постоянным повторением своего тезиса, почти не делая попыток как-то его обосновать. Индетерминисты не признавали утверждения своих противников, но были неспособны атаковать их слабые места. Длительные дебаты оказались не очень плодотворными.

Когда на сцене появилась новая наука – экономика, предмет споров изменился. Политические партии страстно отвергали все практические выводы, к которым необходимо приводила экономическая мысль, но, не будучи способными выдвинуть ни одного здравого возражения против их истинности и корректности, уводили спор в область эпистемологии и методологии. Экспериментальные методы естественных наук были провозглашены единственно адекватным способом исследования, а индукция на основе чувственного опыта – единственно допустимым способом научного рассуждения. Они вели себя так, как будто никогда не слышали о логических проблемах, связанных с индукцией. Все, что не было ни экспериментированием, ни индукцией, в их глазах являлось метафизикой, – термин, который они использовали как синоним бессмыслицы.

2. Экономическая наука и метафизика

Науки о человеческой деятельности начинают с того факта, что человек целенаправленно стремится к выбранной им цели. Именно эту целеустремленность все разновидности позитивизма, бихевиоризма и панфизикализма стремятся либо вообще отрицать, либо обойти молчанием. Однако было бы глупо отрицать, что человек, очевидно, ведет себя так, как будто стремится к определенным целям. Поэтому отрицание целеустремленности в установках человека можно отстоять, только если предположить, что выбор и целей, и средств всего лишь кажущийся и что человеческое поведение в конечном итоге определяется психологическими событиями, которые можно полностью описать на языке физики и химии.

Даже самые фанатичные поборники «единой науки» [1] избегают недвусмысленно поддерживать столь резкую формулировку своего фундаментального тезиса. До тех пор пока не будет открыта определенная связь между идеями и физическими или химическими событиями, из которых они возникают как регулярное следствие, тезис позитивистов остается эпистемологическим постулатом, выведенным не из научно установленного опыта, а из метафизического мировоззрения.

Позитивисты говорят, что когда-нибудь появится новая научная дисциплина, которая выполнит свои обещания и опишет во всех деталях процессы, производящие в теле человека определенные идеи. Давайте не будем сегодня ссориться по поводу подобных проблем будущего. Но очевидно, что это метафизическое утверждение никоим образом не способно лишить обоснованности результаты дискурсивного рассуждения наук о человеческой деятельности. По эмоциональным причинам позитивистам не нравятся необходимые выводы, к которым человека приводят экономические учения. Но будучи не в состоянии найти никаких изъянов ни в рассуждениях экономистов, ни в получаемых на их основе выводах, позитивисты прибегают к метафизическим схемам с целью дискредитировать эпистемологические основания и методологический подход экономической науки.

В метафизике нет ничего плохого. Без нее человек обойтись не может. К сожалению, позитивисты ошибочно использовали термин «метафизика» как синоним бессмыслицы. Но ни одно метафизическое утверждение не должно противоречить выводам дискурсивного рассуждения. Метафизика не является наукой, и апеллирование к метафизическим понятиям в контексте исследования научных проблем бесполезно. Это верно также и в отношении метафизики позитивизма, которой ее сторонники дали название антиметафизика.

3. Регулярность и предсказание

Эпистемологически отличительным признаком того, что называется природой, следует считать устанавливаемую и необходимую регулярность взаимосвязи и последовательности явлений. С другой стороны, отличительным свойством того, что мы называем областью человеческого или историей, или лучше сферой человеческой деятельности, является отсутствие такой универсально господствующей регулярности. В идентичных условиях камни всегда одинаково реагируют на одинаковые стимулы; мы можем что-то узнать об этих постоянных моделях реагирования и можем использовать это знание, направляя свои действия к определенным целям. Наша классификация естественных природных объектов и присваивание названий этим классам есть результат этого познания. Камень суть вещь, которая реагирует определенным образом. Люди по-разному реагируют на одинаковые стимулы, и в разные моменты времени реакция одного и того же человека может отличаться от его предшествующего или более позднего поведения. Людей нельзя сгруппировать в классы, члены которых всегда реагировали бы одинаковым образом.

Это не значит, что будущие человеческие действия абсолютно непредсказуемы. В определенной степени их можно предвосхитить. Но методы, применяемые в подобных прогнозах, и рамки их применимости логически и эпистемологически совершенно отличны от методов, которые применяются в прогнозировании природных событий.

4. Концепция законов природы

Опыт всегда представляет собой опыт прошлых событий. Опыт относится к тому, что было и больше не существует, к событиям, навсегда исчезнувшим в потоке времени.

Осведомленность о регулярности во взаимной связи и последовательности многих явлений не затрагивает того факта, что опыт имеет отношение к тому, что случилось когда-то в прошлом в определенном месте в определенное время при обстоятельствах, существовавших там и тогда. Познание регулярности также имеет отношение исключительно к прошлым событиям. Самое большее, чему нас может научить опыт, заключается в следующем: во всех случаях, наблюдавшихся в прошлом, существовала выявляемая регулярность.

С незапамятных времен люди всех рас и цивилизаций принимали как само собой разумеющееся, что регулярность, наблюдаемая в прошлом, будет также наблюдаться и в будущем. Категория причинности и идея, что явления природы в будущем будут следовать тем же моделям, которые они продемонстрировали в прошлом, представляют собой фундаментальные принципы как человеческого мышления, так и человеческой деятельности. Наша материальная цивилизация суть продукт направляемого ими поведения. Любое сомнение относительно их действительности в сфере человеческой деятельности рассеивается результатами технологического проектирования. История неопровержимо учит нас, что, приняв их на вооружение, наши предки и мы сами, поступили мудро. Они истинны в том смысле, который прагматизм приписывает понятию истины. Они работают, или точнее, они работали в прошлом.

Оставив в стороне проблему причинности вместе с ее метафизическими следствиями, мы должны осознать, что естественные науки целиком и полностью основываются на предположении, что в исследуемой ими области существует постоянная связь явлений. Естественные науки ищут не просто частое совпадение, а регулярность, которая присутствовала во всех без исключения случаях, наблюдавшихся в прошлом, и которая, как ожидается, будет точно так же присутствовать во всех случаях, которые будут наблюдаться в будущем. Когда обнаруживают лишь частое совпадение – как бывает, например, в биологии, – то предполагают, что именно неадекватность наших методов исследования временно мешает открыть строгую регулярность.

Концепцию неизменного и концепцию частого совпадения ни в коем случае недопустимо смешивать. Ссылаясь на неизменную связь люди имеют в виду, что никогда не наблюдалось никакого отклонения от постоянной модели – закона – и что они уверены, насколько могут быть в чем-то уверены, что никакое отклонение невозможно и никогда не случиться. Наилучшим разъяснением идеи неумолимой регулярности во взаимной связи природных явлений является концепция чудес. Чудесное событие – это нечто, что просто не может случиться при нормальном развитии событий в мире, как мы его знаем, потому что такое событие не может быть объяснено законами природы. Если тем не менее сообщается, что чудесное событие произошло, этому даются две интерпретации, обе полностью принимающие неизбежность законов природы как данность. Верующие говорят: «При нормальном ходе событий это не могло случиться. Это произошло только потому, что Господь в своих действиях не ограничен законами природы. Это событие непостижимо и необъяснимо, это таинство, чудо». Рационалисты говорят: «Этого не может быть и потому не было. Свидетели либо лжецы, либо жертвы иллюзии». Если бы концепция законов природы обозначала бы не неумолимую регулярность, а просто частую связь, то в понятии чуда не было бы никакой необходимости. Можно было бы просто сказать: за *A* часто следует *B*, но в некоторых случаях этот эффект не проявляется.

Никто не говорит, что камни, брошенные вверх под углом 45 градусов, *часто* падают на землю, или что конечность, потерянная в результате несчастного случая, *часто* не вырастает вновь. Все наше мышление и все наши действия направляются знанием о том, что в этих слу-

чаях мы сталкиваемся не с частым повторением одной и той же связи, а с постоянным повторением.

5. Ограниченность человеческого знания

Человеческое знание ограничено силой человеческого разума и пределами, в рамках которых объекты воздействуют на человеческие ощущения. Возможно, во Вселенной существуют вещи, которые наши чувства не способны воспринять, и отношения, которые наш разум не может постичь. Вне орбиты того, что мы называем Вселенной, могут также существовать системы вещей, о которых мы ничего не можем узнать, потому что пока никакие следы их существования не проникают в нашу область так, чтобы оказывать воздействия на наши ощущения. Кроме того, возможно, наблюдаемая нами регулярность во взаимной связи природных явлений является не вечной, а преходящей, что она преобладает только на данном этапе (который может длиться миллионы лет) истории Вселенной, и однажды ее могут сменить другие соотношения.

Эти и аналогичные мысли могут побудить добросовестного ученого к крайней осторожности при формулировании результатов своих исследований. В связи с этим философам надлежит быть еще более сдержанными в обращении с априорными категориями причинности и регулярности в последовательности явлений природы.

Априорные формы и категории человеческого мышления и рассуждения нельзя проследить до того, из чего они возникли бы как логически необходимый вывод. Было бы противоречивым ожидать, что логика может чем-то помочь в доказательстве обоснованности фундаментальных логических принципов. О них можно сказать только то, что отрицание их правильности или обоснованности представляется человеческому разуму бессмысленным и что мышление, руководствующееся ими, приводило к успешным способам действий.

Скептицизм Юма был реакцией на постулат абсолютной уверенности, которая для человека никогда недостижима. Те теологи, которые считали, что ничто, кроме откровения, не может дать человеку абсолютной уверенности, были правы. Человеческое научное исследование не может выйти за границы, очерченные несовершенством органов чувств человека и узостью его разума. Невозможно дедуктивно доказать принцип причинности и синтетический вывод неполной индукции; можно прибегнуть только к не менее недоказуемому утверждению, что существует строгая регулярность во взаимной связи всех явлений природы. Если бы мы не ссылались на это единообразие, то все утверждения естественных наук выглядели бы поспешными обобщениями.

6. Регулярность и выбор

Основной факт человеческой деятельности состоит в том, что относительно нее во взаимной связи явлений такая регулярность отсутствует. И то, что наукам о человеческой деятельности не удалось открыть детерминированные модели стимул – реакция, не является их недостатком. Невозможно найти того, что не существует.

Если бы в природе не существовало регулярности, то невозможно было бы ничего утверждать относительно поведения классов объектов. Нужно было бы изучать каждый отдельный случай и объединять то, что стало о них известно, в историческом объяснении.

Давайте на мгновение предположим, что все физические величины, которые мы называем постоянными, в действительности непрерывно изменяются и что только неадекватность наших методов исследования не позволяет нам узнать об этих медленных изменениях. Мы не учитываем их потому, что они не оказывают ощутимого воздействия на обстоятельства нашей жизни и не влияют заметно на результаты наших действий. Поэтому можно сказать, что эти величины, установленные экспериментальными естественными науками, вполне можно считать постоянными, поскольку они остаются неизменными на протяжении периода времени, который намного превосходит горизонт планирования наших действий.

Но недопустимо аналогичным образом рассуждать относительно величин, наблюдаемых в области человеческой деятельности. Эти величины очевидно изменчивы. Их изменения оказывают отчетливое влияние на результаты наших действий. Любая величина, которую мы можем наблюдать, является историческим событием, фактом, который мы не можем полностью описать, не оговаривая время и географический пункт.

Эконометрист неспособен опровергнуть этот факт, который разбивает строй его рассуждений. Он не может не признать, что «поведенческих констант» не существует. Тем не менее он стремится ввести какие-то величины, произвольно выбранные на основе исторического факта, в качестве «неизвестных поведенческих констант». Единственное выдвигаемое им оправдание заключается в том, что эти гипотезы «говорят только о том, что эти неизвестные величины остаются достаточно постоянными на протяжении периодов, длящихся годы»¹. Но продолжается ли еще период предположительного постоянства определенной величины, или уже произошло изменение ее значения, можно установить только впоследствии. Ретроспективно можно, хотя лишь в редких случаях, утверждать, что на протяжении некоторого периода (возможно, очень короткого) существует приблизительно стабильное соотношение – которое эконометрист решает назвать «достаточно» постоянным соотношением – между числовыми значениями ценности двух факторов. Но в отличие от констант в физике это нечто совершенно иное. Это утверждение об историческом факте, а не о константе, к помощи которой можно прибегнуть, пытаясь предсказать будущие события.

Не касаясь пока проблемы человеческой воли или свободной воли, мы можем сказать: нечеловеческие объекты реагируют в соответствии с регулярными шаблонами; человек выбирает. Сначала человек выбирает конечные цели, а затем средства их достижения. Акты выбора определяются мыслями и идеями, о которых, по крайней мере в настоящее время, естественные науки ничего не могут нам сообщить.

В математической трактовке физики разграничение между константами и переменными имеет смысл; оно существенно в любом технологическом расчете. В экономической науке не существует постоянных соотношений между различными величинами. Следовательно, все получаемые данные являются переменными или, что то же самое, историческими величинами.

¹ См.: Cowles Commission for Research in Economics. Report for period January 1, 1948—June 30, 1949. University of Chicago. P. 7.

Экономисты-математики постоянно повторяют, что плодотворность математической экономической теории в том, что существует огромное множество переменных. Но дело в том, что есть только переменные и нет констант. Бессмысленно говорить о переменных там, где нет постоянных величин.

7. Средства и цели

Выбрать – это означает отобрать из двух или большего числа способов поведения один и отказаться от других альтернативных вариантов. Там, где человеческое существо оказывается в ситуации, когда ему открыты различные, исключаящие друг друга способы поведения, оно выбирает. Таким образом, жизнь подразумевает бесконечную последовательность актов выбора. Деятельность – поведение, направляемое актами выбора.

Мыслительные действия, определяющие содержание выбора, касаются либо конечных целей, либо средств достижения этих целей. Первые называются ценностными суждениями. Последние представляют собой технические решения, выводимые из фактических утверждений.

В строгом смысле слова действующий человек стремится только к одной конечной цели, к достижению состояния дел, которое подходит для него больше, чем другие альтернативные варианты. Философы и экономисты описывают этот неопровержимый факт, провозглашая, что человек предпочитает то, что делает его более счастливым, тому, что делает его менее счастливым, что он стремится к счастью². Счастье – в чисто формальном смысле, в котором этот термин применяется в этике – является единственной конечной целью, а все остальные вещи и состояния, к которым стремится человек, являются просто средствами осуществления высшей конечной цели. Однако обычно используются менее строгие выражения, которые часто приписывают имя конечной цели всем средствам, подходящим для производства удовлетворения непосредственно и немедленно.

Отличительное свойство конечных целей – полная зависимость от личных и субъективных суждений каждого индивида, которые любой другой человек не может ни исследовать, ни измерить, ни в еще меньшей степени скорректировать. Каждый индивид является единственным и конечным арбитром в делах, касающихся его собственного удовлетворения и счастья.

Поскольку часто считают, что это фундаментальное положение несовместимо с христианской доктриной, возможно уместно проиллюстрировать эту истину примерами из ранней истории христианской веры. Чтобы обрести спасение и высшее блаженство мученики отвергали то, что другие считали высшими удовольствиями, Они не обращали внимания на своих собратьев, призывавших их сохранить себе жизнь, поклоняться статуе божественного императора; а мученики выбрали смерть во имя своего дела. Какие аргументы может выдвинуть человек, желающий отговорить своего ближнего от мученичества? Он может попытаться подорвать духовные основы его веры, содержащиеся в Евангелиях, и их интерпретацию Церковью. Это было бы попыткой поколебать веру христианина в эффективность его религии как средства достижения спасения и блаженства. Если бы это не удалось, то все остальные аргументы не стоили бы ничего, ибо оставалось бы только принять решение в пользу одной из двух конечных целей, выбрать между вечным блаженством и вечным проклятием. Мученичество представляется средством достижения цели, которая, по мнению мученика, оправдывает высшее и вечное счастье.

Как только люди решают поставить под сомнение цель и подвергнуть ее исследованию, они больше не рассматривают ее как цель, а трактуют ее как средство достижения цели более высокого порядка. Конечная цель не подлежит какому бы то ни было рациональному исследо-

² Нет нужды опровергать аргументы, выдвинутые более двух тысяч лет назад, против принципов эвдемонизма, гедонизма и утилитаризма. Объяснение формального и субъективного характера концепций «удовольствие» и «боль», в котором они применяются в этих доктринах, см.: *Мизес Л.* Человеческая деятельность. – М.: Экономика, 2000. С. 17–18; *Feuerbach L.* «Eudamonismus.» Sammtliche Werke, ed. Bolin and Jodl. – Stuttgart, 1907. Bd. 10. S. 230–93. Разумеется, те, кто не признает иного счастья, кроме того, что дает секс, алкоголь и так далее, повторяют старые ошибки и передергивания.

ванию. Все остальные цели временны. Они оказываются средствами как только сравниваются с другими целями или средствами.

Средства судят и оценивают в соответствии с их способностью производить определенные эффекты. В то время как ценностные суждения являются личными, субъективными и окончательными, суждения о средствах представляют собой по существу выводы из фактических утверждений относительно силы рассматриваемых средств производить определенные эффекты. По поводу силы средств производить определенные эффекты между людьми могут существовать разногласия и споры. Что касается оценки конечных целей, то здесь не существует никаких межличностных стандартов.

Выбор средств является, так сказать, технической проблемой, где термин «технический» берется в самом широком смысле. Выбор конечных целей является делом личным, субъективным, индивидуальным. Выбор целей – это дело разума, выбор конечных целей – дело души и воли.

Часть I Ценность

Глава 1. Ценностные суждения

1. Ценностные суждения и утверждения о существовании

Суждения, утверждающие существование (утвердительные утверждения о существовании) или несуществование (отрицательные утверждения о существовании) являются описательными. Они утверждают нечто о Вселенной в целом или о части Вселенной. Относительно них проблемы истинности и ложности существенны. Их нельзя смешивать с ценностными суждениями.

Ценностные суждения произвольны. Они выражают чувства, вкусы или предпочтения индивида, который их высказывает. Относительно них не может быть никакой проблемы истинности или ложности. Они окончательны и не подлежат никакому доказательству или засвидетельствованию.

Ценностные суждения представляют собой мыслительные акты конкретного индивида. В качестве таковых их следует четко отличать от предложений, посредством которых человек пытается сообщить другим людям о содержании своих ценностных суждений. Человек имеет причины лгать о своих оценках. Мы можем описать это состояние дел следующим образом. Каждое ценностное суждение само по себе может быть также фактом действительного состояния Вселенной и как таковое может быть объектом утверждения о существовании. Предложение «Я предпочитаю Легару Бетховена» касается ценностного суждения. Оно выглядит как утверждение о существовании. Оно истинно, если я действительно предпочитаю Бетховена и соответственно действую, и ложно, если на самом деле я предпочитаю Легара и по некоторым причинам лгу о моих реальных чувствах, вкусах или предпочтениях. Аналогичным образом утверждение о существовании «Пол предпочитает Легару Бетховена» может быть истинным или ложным. Заявляя, что относительно ценностных суждений не может существовать проблемы истинности или ложности, мы говорим о суждении как таковом, а не о предложении, сообщающем содержание этого суждения ценности другим людям.

2. Определение ценности и действие

Ценностное суждение является чисто академичным, если не побуждает высказывающего его человека ни к какому действию. Есть суждения, которые должны оставаться академичными, потому что действия, направляемые ими, превышают силы отдельного человека. Человек может предпочитать звездное небо беззвездному, но он не может попытаться заменить второе состояние, нравящееся ему меньше, первым, которое нравится ему больше.

Значимость ценностных суждений заключается именно в том, что они представляют собой источник человеческих действий. Направляемый этими оценками, человек стремится заменить обстоятельства, которые он считает менее удовлетворительными, обстоятельствами, которые нравятся ему больше. Чтобы достичь преследуемые цели, он применяет средства.

Следовательно, история дел человеческих должна изучать ценностные суждения, побуждающие людей действовать и направляющие их поведение. То, что случилось в истории, не может быть обнаружено и изложено безотносительно к разнообразным оценкам действующих индивидов.

В задачу историка как историка не входит давать оценки индивидам, поведение которых является темой исследования. Как отрасль знания история высказывает только утверждения о существовании. Но эти утверждения о существовании часто касаются наличия или отсутствия определенных ценностных суждений в умах действующих индивидов. Именно установление содержания ценностных суждений действующих индивидов является одной из задач специфического метода понимания исторических наук.

Именно задачей истории, например, является свести происхождение кастовой системы в Индии к ценностям, направлявшим поведение поколений, ее разрабатывавших, совершенствовавших и сохранявших. Затем ее задача – выяснить, каковы были последствия этой системы и какое влияние они оказали на ценностные суждения последующих поколений. Но не дело историка высказывать ценностные суждения относительно системы в целом, восхвалять или осуждать ее. Он должен обсуждать ее значимость для хода событий, он должен сравнить ее с замыслами и намерениями ее авторов и сторонников, а также описать последствия и результаты ее функционирования. Он должен спросить, годились ли примененные средства для достижения целей, преследуемых действующими индивидами.

В действительности, нет историка, полностью свободного от субъективных оценок. Но подобные суждения всегда второстепенны относительно подлинных задач истории. Высказывая их, автор говорит как индивид, судящий с точки зрения своих личных оценок, а не как историк.

3. Субъективность определения ценности

Все ценностные суждения являются личными и субъективными. Не существует иных ценностных суждений, кроме утверждающих: *я предпочитаю, мне больше нравится, я хочу*.

Никто не может отрицать, что между разными людьми существуют широкие разногласия относительно их ощущений, вкусов и предпочтений и что даже одни и те же индивиды в различные моменты своей жизни ценят одни и те же вещи по-разному. Учитывая это, бесполезно говорить об абсолютных и вечных ценностях.

Это не означает, что каждый индивид выводит свои ценности на основе собственного разума. Подавляющее большинство людей берет свои оценки из социального окружения, в котором они родились и выросли, которое сформировало их личность и в котором они получили образование. Немногие имеют силы отклониться от традиционного набора ценностей и установить свою собственную шкалу того, что представляется лучшим, и того, что кажется худшим.

Теорема субъективности оценок означает, что мы не располагаем критериями, которые позволили бы отвергнуть какое-либо конечное ценностное суждение как неправильное, ложное или ошибочное подобно тому, как мы можем отвергнуть утверждение о существовании как очевидно ложное. Бессмысленно спорить о конечных ценностных суждениях, как мы спорим об истинности и ложности утверждения о существовании. Как только мы с помощью аргументов начинаем доказывать несостоятельность конечных ценностных суждений, мы начинаем рассматривать их как средства достижения определенных целей. Но тогда мы просто переводим дискуссию в другой план. Мы представляем рассматриваемый принцип уже не как конечную ценность, а как средство достижения конечной ценности, и снова сталкиваемся с той же проблемой. Например, мы можем продемонстрировать буддисту, что если действовать в соответствии с учениями его веры, то это приведет к результатам, которые мы считаем катастрофичными. Но мы ничего не сможем сказать, если он ответит, что на его взгляд эти последствия являются меньшим злом или вообще не являются злом по сравнению с результатами несоблюдения его правил поведения. Его представления о высшем благе, счастье, блаженстве

отличаются от наших. Он не разделяет ценности, которые волнуют его критиков, и ищет другие источники удовлетворения.

4. Логическая и синтаксическая структура ценностных суждений

Ценностное суждение смотрит на вещи с точки зрения высказывающего его человека. Оно ничего не утверждает о вещах как они есть. В них проявляется эмоциональная реакция человека на конкретные обстоятельства по сравнению с другими конкретными обстоятельствами.

Ценность не является внутренне присущей. Она содержится не внутри вещей и обстоятельств, а внутри оценивающего субъекта. Нельзя приписать ценность только одной вещи или состоянию дел. Оценка неизбежно сравнивает предмет или обстоятельство с другим предметом или обстоятельством. Оценка ранжирует различные состояния внешнего мира. Она противопоставляет один предмет или состояние, реальное или воображаемое, другому предмету или обстоятельству, реальному или воображаемому, и упорядочивает их на шкале предпочтений субъекта.

Может случиться так, что индивид считает оба представляемых предмета или обстоятельства равноценными. Его не интересует ни наличие *A*, ни наличие *B*. Тогда ценностное суждение выражает безразличие. Результатом такого нейтрального отношения не может стать никакое действие.

Иногда высказываемое ценностное суждение сжато и имеет смысл, если будет соответствующим образом дополнено слушателем. «Я не люблю корь» означает «я предпочитаю отсутствие кори ее наличию». Такая незаконченность – знак любой ссылки на свободу. Свобода всегда означает свободу от (отсутствие) чего-либо, явно упоминаемого или неявно подразумеваемого. Грамматическая форма такого суждения может быть квалифицирована как отрицательная. Но бессмысленно из идиоматического облика этого класса ценностных суждений выводить какие-либо утверждения о их содержании и обвинять их в так называемом негативизме. Любое ценностное суждение допускает формулировку, в которой более высоко ценяемая вещь или состояние логически выражается как положительно, так и в форме отрицания, хотя в языке соответствующий термин может и отсутствовать. Свобода печати подразумевает отвержение или отрицание цензуры. Но выраженное явно она означает положение дел, при котором автор один определяет содержание своих публикаций, в отличие от положения, при котором полиция имеет право вмешиваться в этот вопрос.

Действие неизбежно предполагает отказ от чего-то, чему приписана более низкая ценность, чтобы достигнуть или сохранить нечто, чему приписана более высокая ценность. Таким образом, например, отказываются от определенного количества досуга, чтобы получить продукт определенного количества труда. Отказ от досуга является средством достижения более высоко ценимого предмета или состояния.

Некоторые люди столь чувствительны, что трудно переносят голые факты физиологии человеческого тела и праксиологический характер человеческой деятельности. Таких людей обижает констатация, что человек должен выбирать между возвышенными идеалами, с одной стороны, и потребностями тела, с другой. Они считают, что такие заявления принижают благородство высших *вещей* и отказываются замечать, что в жизни человека бывают ситуации, когда он вынужден выбирать между верностью высоким идеалам и такой физиологической потребностью, как еда.

Когда человек сталкивается с необходимостью выбора между двумя предметами или состояниями, его решения представляют собой ценностные суждения вне зависимости от того,

высказываются они в грамматической форме, обычно используемой для выражения таких суждений, или нет.

Глава 2 Знание и ценность

1. Доктрина предвзятости

Обвинение в предвзятости выдвигалось против экономистов задолго до того, как Маркс интегрировал его в свои доктрины. Сегодня оно разделяется почти всеми авторами и политиками, которые хотя во многих отношениях и находятся под влиянием марксистских идей, не могут просто считаться марксистами. Смысл их упреков отличается от смысла в контексте диалектического материализма. Поэтому мы должны разграничить две разновидности доктрины предвзятости: марксистскую и немарксистскую. Первая будет обсуждаться ниже по ходу критического анализа марксистского материализма. В этом параграфе рассматривается только последняя.

Сторонники обеих разновидностей доктрины предвзятости признают, что их позиция была бы крайне слаба, если бы они обвиняли в предвзятости только экономистов, не возлагая ту же самую вину на все отрасли науки. В результате, они расширили доктрину предвзятости, – но нам нет необходимости обсуждать здесь эту расширенную доктрину. Мы можем сконцентрироваться на его ядре – утверждении, что экономическая наука неизбежно не является *wertfrei*³, а заражена предвзятостью и предубеждениями, укорененными в ценностных суждениях. Ибо все аргументы, выдвинутые в поддержку доктрины общей предвзятости, также используются в попытках доказать специальную доктрину предвзятости, касающуюся экономической науки, тогда как некоторые из аргументов, выдвинутые в пользу специальной доктрины предвзятости, явно неприменимы в общей доктрине.

Некоторые современные защитники доктрины предвзятости пытались связать ее с фрейдистскими идеями. Они утверждают, что предвзятость экономистов не является сознательной. Последние не отдают себе отчета в своих предубеждениях и непреднамеренно ищут результаты, которые полностью подтвердят их предрешенные выводы. Из глубин подсознания подавленные желания, неизвестные самому размышляющему человеку, оказывают возмущающее влияние на его рассуждения и направляют его мысли к результатам, согласующимся с вытесненными в подсознание его желаниями и побуждениями.

Однако разделяемый вариант доктрины предвзятости не имеет значения. Любой из них вызывает одни и те же возражения.

Ибо ссылка на предвзятость, намеренную или подсознательную, неуместна, если обвинитель не в состоянии ясно показать, каковы недостатки рассматриваемой теории. Имеет значение лишь одно: является теория обоснованной или необоснованной. Это устанавливается дискурсивным рассуждением. Раскрытие психологических сил, движущих автором никак не умаляет обоснованности и правильности теории. Мотивы мыслителя не играют никакой роли для оценки его достижений. Сегодня биографы истолковывают творчество гениев как продукт их комплексов и эротических импульсов и сублимации сексуальных желаний. Их исследования могут быть ценным вкладом в психологию или скорее в тимиологию (см. ниже с. 194), но никак не влияют на поведение тех, чьи биографии пишутся. Самые изощренные психоаналитические исследования жизни Паскаля ничего не скажут о научной обоснованности или необоснованности его математических и философских теорий.

Если недостатки и ошибки теории раскрываются посредством дискурсивного рассуждения, историки и биографы могут попытаться найти их причину в предвзятости автора. Но если против теории нельзя выдвинуть никаких разумных возражений, не имеет значения, какие

³ Ценностно нейтральный (нем.). – Звездочкой обозначены примечания переводчика.

мотивы двигали ее автором. Пусть он был предвзят. Но тогда мы должны признать, что его так называемая предвзятость произвела на свет теоремы, успешно выдержавшие все возражения.

Ссылки на предвзятость автора не заменят опровержения его теорий логичными аргументами. Те, кто обвиняют экономистов в предвзятости, просто демонстрируют, что затрудняются опровергнуть учения экономистов с помощью критического анализа.

2. Общее благо против особых интересов

Экономическая политика направлена на достижение определенных целей. При их обсуждении экономическая наука не подвергает сомнению ценность, которую действующие люди присваивают этим целям. Она просто исследует два момента: во-первых, пригодна ли эта политика для достижения целей, которые стремятся достичь те, кто ее рекомендует и реализует. Во-вторых, не приводит ли эта политика к результатам, которые являются нежелательными с точки зрения тех, кто рекомендует и реализует ее.

Надо признать, что язык, которым экономисты, особенно предшествующих поколений, излагали результаты своих изысканий, можно было легко истолковать неправильно. Обсуждая конкретную экономическую политику, они выражались языком, который был бы адекватным с точки зрения тех, кто рассматривал возможность ее использования для достижения определенных целей. Именно потому, что экономисты не были предвзятыми и не ставили под сомнение выбор целей действующих людей, они представляли результаты своих размышлений в форме, принимавшей оценки действующих субъектов без доказательств. Устанавливая пошлины или декретируя минимальные ставки заработной платы, люди стремятся к достижению определенных целей. Если экономисты полагали, что та или иная политика приведет к достижению целей, преследуемых ее сторонниками, они называли ее хорошей без доказательств, подобно тому, как врач называет определенное лечение хорошим, так как он достигает цели – излечения своего пациента.

Одной из самых известных теорем, выработанных экономистами классической школы – теории сравнительных издержек Рикардо – не страшна никакая критика, если судить по тому, что сотни страстных противников на протяжении ста сорока лет не сумели выдвинуть против нее ни одного состоятельного аргумента. Это гораздо больше, чем просто теория, трактуемая результаты свободной торговли и протекционизма. Это утверждение о фундаментальных принципах человеческого сотрудничества в условиях разделения труда, специализации и интеграции профессиональных групп, происхождения и последующего усиления общественных связей между людьми, и поэтому должна быть названа законом образования связей. Теория Рикардо необходима для понимания происхождения цивилизации и развития истории. В отличие от распространенного понимания, она не говорит о том, что свободная торговля – это хорошо, а протекционизм – плохо. Она просто показывает, что протекционизм не является средством повышения предложения произведенных товаров. Таким образом, она не говорит о пригодности или непригодности протекционизма для достижения других целей, например, для защиты независимости страны в случае войны.

Те, кто обвиняют экономистов в предвзятости, ссылаются на якобы стремление экономистов обслуживать «интересы». В этом контексте обвинения заключаются в том, что экономисты эгоистично стремятся к повышению благосостояния особых групп в ущерб общему благу. Однако следует напомнить, что идея общего блага в смысле гармонии интересов всех членов общества является современной идеей и что своим возникновением она обязана как раз учениям экономистов классической школы. До этого люди были уверены в существовании неразрешимого конфликта интересов между людьми и между группами людей. Выигрыш для одного неизбежно означает ущерб для других; ни один человек не получает прибыли иначе как за счет убытков для других людей. Мы можем назвать этот принцип догмой Монтеня, потому что в

новое время первым ее сформулировал именно Монтень. Эта догма составляла суть учений меркантилизма и была главной мишенью в критике меркантилизма со стороны классической школы [2]; последняя противопоставила ей свою доктрину гармонии правильно понимаемых или долгосрочных интересов всех членов рыночного общества. Социалисты и интервенционисты отрицают доктрину гармонии интересов. Социалисты заявляют, что между различными классами одной нации существует непримиримый конфликт; в то время как интересы пролетариата требуют замены капитализма социализмом, интересы эксплуататоров требуют сохранения капитализма. Националисты заявляют, что интересы различных народов противоречат друг другу.

Очевидно, что антагонизм таких несовместимых доктрин может быть разрешен только при помощи логических рассуждений. Но оппоненты доктрины гармонии не готовы подвергнуть свои взгляды такой проверке. Как только кто-либо начинает критиковать их аргументы и пытается доказать доктрину гармонии, они кричат о предвзятости. Сам факт, что только они, а не их противники – сторонники доктрины гармонии – выдвигают упрек в предвзятости, ясно показывает, что они не в состоянии опровергнуть утверждения своих оппонентов с помощью рациональных доводов. К исследованию рассматриваемых проблем социалисты подходят с предубеждением, что только предвзятые апологеты несправедливых интересов могут оспаривать правильность их социалистических и интервенционистских догм. По их мнению, сам факт, что человек не согласен с их идеями, есть доказательство его предвзятости.

Такое отношение, если довести его до конечных логических следствий, подразумевает доктрину полилогизма. Полилогизм отрицает единообразие логической структуры человеческого разума. Каждый общественный класс, каждая нация, раса или период истории вооружен логикой, которая отличается от логики других классов, народов, рас или поколений. Следовательно, буржуазная экономическая наука отличается от пролетарской экономической науки, немецкая физика от физики других наций, арийская математика от семитской математики. Здесь нет необходимости разбирать основные положения различных ветвей полилогизма⁴. Ибо полилогизм никогда не выходил за границы простых деклараций о том, что существует многообразие логической структуры разума. Он никогда не указывал, в чем именно состоят эти различия, например, *чем* логика пролетариев отличается от логики буржуазии. Поборники полилогизма просто отвергали определенные утверждения, ссылаясь на неуточняемые особенности логики их автора.

3. Экономическая наука и ценность

Аргументация классической доктрины гармонии интересов начинается с разграничения краткосрочных и долгосрочных интересов. И о последних говорят как о правильно понимаемых интересах. Давайте исследуем влияние этого разграничения на проблему привилегий.

Одна группа людей, безусловно, выигрывает от предоставленных ей привилегий. Группа производителей, защищаемая пошлинами, дотациями или любыми иными современными протекционистскими методами от конкуренции более эффективных соперников, извлекает выгоду в ущерб потребителей. Но будет ли остальная часть нации, налогоплательщики и покупатели изделия, находящегося под защитой протекционистских мер, терпеть привилегии меньшинства? Они согласятся с этим, если сами будут иметь выгоду из аналогичных привилегий. Тогда каждый человек в роли потребителя теряет столько же, сколько выигрывает в роли производителя. Более того, всем наносится ущерб в результате замены более эффективных методов производства менее эффективными.

⁴ См.: Мизес Л. Человеческая деятельность. С. 73–78.

Если трактовать экономическую политику с точки зрения различения долгосрочных и краткосрочных интересов, то нет никаких оснований обвинять экономиста в предвзятости. Экономист не осуждает сохранение штата железнодорожных рабочих по требованию профсоюзов на том основании, что оно приносит выгоду железнодорожникам за счет других групп, которые ему нравятся больше. Он показывает, что железнодорожники не могут помешать превращению раздувания штатов во всеобщую практику, что в долгосрочной перспективе причинит им не меньший вред, чем остальным.

Разумеется, возражения экономистов, выдвигаемые против планов социалистов и интервенционистов, не имеют никакого значения для тех, кто не одобряет цели, которые люди западной цивилизации принимают как само собой разумеющееся. Те, кто предпочитает нужду и рабство материальному благосостоянию и всему, что только может развиваться там, где существует материальное благосостояние, могут считать все эти возражения неуместными. Но экономисты постоянно акцентируют внимание на том, что они обсуждают социализм и интервенционизм с точки зрения широко разделяемых ценностей западной цивилизации. Социалисты и интервенционисты не только не отрицали – по крайней мере открыто – эти ценности, но и настойчиво заявляли, что реализация их программы осуществит их гораздо лучше, чем это сделает капитализм.

Правда, большая часть социалистов и многие интервенционисты провозглашают в качестве одной из ценностей выравнивание уровня жизни всех индивидов. Но экономисты не ставят под сомнение подразумеваемое здесь ценностное суждение. Все, что они делают, это указывают на неизбежные последствия уравнивания. Они не говорят: цель, к которой вы стремитесь, плоха; они говорят: осуществление этой цели вызовет последствия, которые вы сами считаете более нежелательными, чем неравенство.

4. Предвзятость и нетерпимость

Очевидно, что рассуждения многих людей находятся под влиянием ценностных суждений и что предвзятость часто искажает мышление людей. Что необходимо отвергнуть, так это популярную доктрину, утверждающую, что невозможно заниматься экономическими проблемами без предвзятости и что простой ссылки на предвзятость без вскрытия ошибок в цепочке рассуждений, достаточно, чтобы опровергнуть теорию.

В действительности, появление доктрины предвзятости неявно означает безоговорочное признание неуязвимости учений экономической науки, против которых выдвинут упрек в предвзятости. Это был первый шаг на пути возвращения к нетерпимости и преследования инакомыслящих, являющихся главной особенностью нашей эпохи. Так как несогласные виновны в предвзятости, правильным будет их «ликвидировать».

Глава 3

Поиск абсолютных ценностей

1. Проблема

Рассматривая ценностные суждения, мы обращаемся к фактам, т. е. к способу, которым люди выбирают конечные цели в реальной действительности. Несмотря на то, что ценностные суждения многих людей идентичны, несмотря на то, что допустимо говорить о некоторых почти повсеместно разделяемых ценностях, отрицание существования различий в ценностных суждениях явно противоречило бы фактам.

С незапамятных времен подавляющее большинство людей достигли согласия в предпочтении результатов мирного сотрудничества – по крайней мере между ограниченным количеством людей – по сравнению с последствиями изолированности каждого индивида и гипотетической войны всех против всех. Естественному состоянию они предпочли цивилизованное состояние, ибо они стремились к максимально возможному достижению определенной цели – сохранению жизни и здоровья – что, как они справедливо полагали, требовало общественного сотрудничества. Но в действительности существовали и другие люди, отвергавшие эти ценности и соответственно предпочитавшие уединенную жизнь отшельников.

Очевидно, что любое научное исследование проблемы ценностных суждений должно полностью принимать во внимание то, что ценностные суждения субъективны и изменчивы. Наука пытается узнать о том, что существует и сформулировать утверждения о существовании, описывающие Вселенную как она есть. Относительно ценностных суждений она не может утверждать ничего сверх того, что некоторые люди их высказывают, и исследует, к каким результатам приводят действия, которые ими направляются. Любой шаг за эту границу равносильна подмене знания реальной действительности личными ценностными суждениями. Наука и организованный массив нашего знания учит нас тому, что есть, а не тому, чему следует быть.

Доктрины, утверждающие, что существуют вечные абсолютные ценности, открытие которых является такой же задачей научного или философского исследования, как и открытие законов физики, отвергают разграничение области науки, имеющей дело исключительно с утверждением о существовании, и области ценностных суждений. Сторонники этих доктрин настаивают на том, что существует абсолютная иерархия ценностей. Они пытаются определить высшее благо. Они говорят, что допустимо и необходимо разграничивать истинные и ложные, правильные и неправильные ценностные суждения, аналогично тому, как различаются истинные и ложные, правильные и неправильные утверждения о существовании⁵. Наука не ограничивается описанием того, что есть. По их мнению, существует другая абсолютно законная отрасль науки – нормативная наука этики, задача которой показать истинные абсолютные ценности и установить нормы правильного поведения людей.

Беда нашей эпохи согласно сторонникам этой философии, в том, что люди больше не признают вечных ценностей и не руководствуются ими в своих действиях. В прошлом, когда народы западной цивилизации были едины в одобрении ценностей христианской этики, положение было лучше.

Ниже мы рассмотрим проблемы, поднятые этой философией.

⁵ Brentano F. Vom Ursprung sittlicher Erkenntnis. 2d ed. – Leipzig, 1921.

2. Конфликты в обществе

Обсудив тот факт, что люди расходятся в своих ценностных суждениях и выборе конечных целей, мы должны подчеркнуть, что многие конфликты, которые обычно считаются связанными с ценностями, в действительности вызваны спорами относительно выбора наилучших средств достижения целей, по поводу которых у конфликтующих сторон нет разногласий. Проблема пригодности или непригодности определенных средств должна решаться при помощи утверждений о существовании, а не ценностных суждений. Исследование этих утверждений – основной предмет прикладной науки.

Таким образом, имея дело со спорами относительно человеческого поведения, необходимо знать, касаются эти разногласия выбора целей или выбора средств. Часто это задача не из легких, поскольку то, что для одних людей является целью, для других является средством.

За исключением ничтожно малого числа последовательных отшельников, все люди считают определенный вид общественного сотрудничества между людьми основным средством достижения любых целей, которые могут у них появиться. Этот неопровержимый факт обеспечивает общую почву, на которой появляется возможность политических дискуссий между людьми. Духовное и интеллектуальное единство всего вида *homo sapiens* проявляется в том, что подавляющее большинство людей считает одно и то же – общественное сотрудничество – наилучшим средством удовлетворения биологических побуждений, существующих у любого живого существа: сохранения жизни и здоровья индивида и размножения вида.

Это почти всеобщее признание человеческого сотрудничества допустимо назвать природным явлением. Использование такой манеры выражения и утверждение, что сознательное объединение соответствует человеческой природе, подразумевают, что человек, отличительным признаком которого как человека считается интеллект, способен осознать великий принцип космического становления и эволюции, а именно дифференциацию и интеграцию, и осмысленно использовать этот принцип для улучшения условий существования. Но не следует считать, что сотрудничество между индивидами биологического вида является универсальным феноменом. Средства к существованию любого вида живых существ недостаточны. Следовательно, между членами всех видов существует биологическая конкуренция, непримиримый конфликт жизненных «интересов». Выжить может только часть из тех, кто появляется на свет. Некоторые погибают из-за того, что другие особи его вида отняли у него средства к существованию. Безжалостная борьба за существование между членами одного вида ведется именно потому, что они принадлежат к одному виду и конкурируют с другими его членами за одни и те же ограниченные возможности выживания и воспроизводства. Лишь человек силой своего разума заменил биологическую конкуренцию – общественным сотрудничеством. Разумеется, общественное сотрудничество стало возможным благодаря природному явлению – более высокой производительности труда, достигнутой использованием принципа разделения труда и специализацией задач. Но необходимо было открыть этот принцип, понять его влияние на человеческие дела и сознательно использовать в качестве средства в борьбе за существование.

Фундаментальные факты общественного сотрудничества были неверно истолкованы школой социального дарвинизма, а также многими ее критиками. Первые утверждали, что войны между людьми представляют собой неизбежное явление, и все попытки установить вечный мир между странами противоречат природе. Вторые возражали, что борьба за существование ведется не между представителями одного вида животных, а между членами разных видов. Как правило, тигр нападает не на других тигров, а на более слабых животных. Следо-

вательно, заключают они, война между людьми, являющимися представителями одного вида, неестественна⁶.

Обе школы неверно интерпретируют дарвиновскую концепцию борьбы за выживание. Ее смысл не в непосредственном противоборстве. Концепция метафорически означает неодолимое стремление каждого существа оставаться живым, невзирая на все факторы, угрожающие его существованию. Поскольку средства к существованию недостаточны, то между индивидами, – не важно, одного или разных видов, – питающимися одинаковой пищей, существует биологическая конкуренция. Не имеет значения, дерутся тигры друг с другом или нет. Каждая особь животного вида становится смертельным врагом любой другой особи просто из-за их соперничества не на жизнь, а на смерть за достаточное количество пищи. Это постоянное соперничество происходит среди животных, мигрирующих стадами и стаями, между муравьями одного муравейника и пчелами одного роя, между потомством общих родителей и между семенами, созревшими на одном растении. Только человек имеет силы в определенной степени вырваться из-под господства этого закона с помощью намеренного сотрудничества. До тех пор пока существует общественное сотрудничество и население не увеличивается сверх оптимального размера, биологическая конкуренция приостановлена. Именно поэтому нецелесообразно ссылаться на животных и растения, имея дело с социальными проблемами человека.

Всеобщее признание принципа общественного сотрудничества не привело к согласию относительно всех межчеловеческих отношений. Почти все люди согласны считать общественное сотрудничество основным средством осуществления всех человеческих целей, какими бы они ни были, но расходятся в том, что касается степени, в какой мирное общественное сотрудничество является подходящим средством для достижения их целей и как далеко следует заходить в его использовании.

Те, кого называют сторонниками теории гармонии, основывают свои аргументы на законе образования связей Рикардо и на принципе народонаселения Мальтуса. Они не предполагают, как считают некоторые их критики, что все люди биологически равны. Они полностью учитывают тот факт, что существует врожденные биологические различия между различными группами людей, так же как и между индивидами, принадлежащими к одной группе. Закон Рикардо продемонстрировал, что сотрудничество на основе принципа разделения труда положительно сказывается на всех участниках. Любому человеку выгодно сотрудничать с другими людьми, даже если последние во всех отношениях – умственные и телесные способности и навыки, старательность и моральные качества – находятся ниже него. Из принципа Мальтуса следует вывод, каждому данному состоянию запаса капитальных благ и знаний о том, как лучше всего использовать природные ресурсы, соответствует оптимальный размер численности населения. До тех пор пока численность населения не превысила эту величину, добавление новых членов скорее улучшает, чем ухудшает условия существования тех, кто уже участвует в сотрудничестве.

В философии противников теории гармонии, различных школ национализма и расизма необходимо выделять два различных направления. Одно представляет собой доктрину непримиримого антагонизма, существующего между разными группами, такими, как нации или расы. По мнению противников теории гармонии, общность интересов существует только в пределах группы, между ее членами. Интересы каждой группы и каждого из ее членов противоположны интересам всех других групп и каждого из их членов. Так что постоянные войны между разными группами вполне «естественны». Естественное состояние войны каждой группы против всех других групп может иногда прерываться периодами перемирия, ошибочно определяемыми как периоды мира. Также иногда во время войны группы сотрудничают с другими группами в рамках союзов. Подобные альянсы являются временными паллиативами политики. В

⁶ Об этом споре см.: *Bart P. Die Philosophie der Geschichte als Soziologie*. 4th ed. – Leipzig, 1922. S. 289–92.

долгосрочном плане они не оказывают влияния на неумолимый естественный конфликт интересов. Ведущая группа коалиции в сотрудничестве с некоторыми союзными группами наносит поражение нескольким враждебным группам и разворачивается против бывших союзников, чтобы их уничтожить и установить свое мировое господство.

Вторая догма националистических и расистских философий рассматривается их сторонниками как логический вывод из первой догмы. По их мнению, условия существования людей подразумевают наличие неразрешимых конфликтов сначала между различными группами, сражающимися друг против друга, а после окончательной победы группы господ, между последней и поработанной частью человечества. Следовательно, эта элитная группа всегда должна быть готова к борьбе, сначала, чтобы сокрушить соперничающие группы, а затем, чтобы подавлять восстания рабов. Состояние постоянной готовности к войне приводит к необходимости организовать общество на армейский манер. Армия является не инструментом, предназначенным служить государству, а скорее, квинтэссенцией общественного сотрудничества, которой подчиняются все остальные общественные институты. Индивиды являются не гражданами сообщества, а солдатами вооруженных сил, и в качестве таковых безусловно повинуются приказам верховного главнокомандующего. Они не имеют гражданских прав, у них только военные обязанности.

Таким образом, даже факт, что подавляющее большинство людей смотрит на общественное сотрудничество как на главное средство достижения желаемых целей, не является основой широкого согласия относительно либо целей, либо средств.

3. Замечание о мнимом средневековом единодушии

Рассматривая доктрины вечных абсолютных ценностей, мы должны спросить, действительно ли в истории был период, когда все народы Запада были единодушны в принятии единой системы этических норм.

До начала IV века христианская вера распространялась путем добровольного обращения. И позже бывали случаи добровольного обращения в христианство отдельных людей и целых народов. Но со времен Феодосия I меч стал играть заметную роль в распространении христианства. Язычников и еретиков силой оружия заставляли подчиняться христианским учениям. На протяжении многих веков религиозные проблемы решались с помощью войн. Религиозную принадлежность народов определяли военные компании. Христиан Востока вынудили принять ислам, а язычников Европы и Америки – христианство. Светская власть была орудием в борьбе между Реформацией и Контрреформацией [3].

Религиозное единство в средневековой Европе установилось, когда огнем и мечом истребили и язычников, и еретиков. Вся Западная и Центральная Европа признала Папу наместником Христа. Но это не означает, что все сошлись в своих ценностных суждениях и принципах, направляющих их поведение. Лишь немногие люди в средневековой Европе строили свою жизнь на принципах Евангелий. Много написано о христианском духе рыцарского кодекса, а также о религиозном идеализме рыцарей. Хотя вряд ли можно представить себе нечто менее совместимое с Евангелием от Луки 6:27-9 [4], чем рыцарские правила. Доблестные рыцари определенно не любили своих врагов, не благодарили тех, кто проклинал их, и не подставляли левую щеку тому, кто ударял их по правой. Католическая церковь имела достаточно власти, чтобы помешать ученым и писателям бросить вызов догмам, сформулированным Папой и церковными соборами, а также заставить светских правителей уступить некоторым из ее политических притязаний. Но Католическая церковь смогла сохранить свои позиции только попустительствуя поведению мирян, которое открыто игнорировало большую часть, если не все принципы Евангелий. Ценности, определявшие действия правящих классов абсолютно отличались от церковных. И крестьяне не жили в согласии с Евангелием от Матфея 6:25-8 [5]. А

суды и судьи открыто бросали вызов заповеди Евангелия от Матфея 7:1: «Не судите, да не судимы будете».

4. Идея естественного права

Важнейшей попыткой отыскать абсолютные и вечные критерии ценности стала доктрина естественного права [6].

Термином «естественное право» пользовались разные школы философии и юриспруденции. Многие доктрины апеллировали к природе с целью обосновать свои постулаты. Под маркой естественного права было выдвинуто множество ложных тезисов. Не составляет особого труда вскрыть ошибки, общие для большей части этих направлений мысли. И не удивительно, что у многих философов появляется настороженность, как только кто-то ссылается на естественное право.

Несмотря на это было бы серьезной ошибкой игнорировать тот факт, что все разновидности этой доктрины содержали здравую идею, которую невозможно ни скомпрометировать связью с необоснованными причудами, ни дискредитировать какой-либо критикой. Задолго до экономистов классической школы, открывших, что в сфере человеческой деятельности существует регулярность в последовательности явлений, поборники естественного права смутно осознавали этот неотвратимый факт. Из сбивающего с толку многообразия доктрин, проходивших под рубрикой естественного права, выкристаллизовался набор теорем, которым не страшны никакие придирки. Во-первых, это идея существования заданного природой порядка вещей, к которому человек, если он хочет добиться успеха, должен приспосабливать свои действия. Во-вторых, единственным средством, которым располагает человек для познания этого порядка, является мышление и рассуждение, и ни один существующий общественный институт не является исключением из числа подлежащих исследованию и оценке посредством дискурсивного рассуждения. В-третьих, не существует никаких иных критериев оценки любого образа действий либо индивида, либо группы индивидов, кроме результатов этих действий. Будучи доведенной до своих конечных логических следствий, идея естественного права в конечном счете привела к рационализму и утилитаризму [7].

Движение социальной философии к этому неизбежному выводу замедлялось множеством препятствий, устранение которых было непростым делом. На этом пути было множество (мешавших философам) ловушек и запретов. Исследовать превратности эволюции этих доктрин – задача историков философии. В контексте нашего исследования достаточно упомянуть только две из этих проблем.

Между учениями разума и догматами церкви существовал непримиримый антагонизм. Некоторые философы были готовы отдать безусловное верховенство последним. Истину и определенность, заявляли они, можно найти только в откровении. Разум человека может ошибаться, и человек не может быть уверен, что в своих умозрениях, он не сбит с истинного пути дьяволом. Другие мыслители не приняли такого решения этого антагонизма. По их мнению, заранее отвергать разум абсурдно. Разум также исходит от Бога, наделившего им человека, так что подлинного противоречия между догматами и правильными учениями разума быть не может. И задача философов состоит именно в том, чтобы продемонстрировать, что они соответствуют друг другу. Центральной проблемой схоластической философии было показать, что человеческий разум без помощи откровения и Священного писания, посредством свойственных ему методов логического рассуждения, способен доказать аподиктические истины догматов откровения⁷. Между верой и разумом подлинного конфликта не существует. Законы природы и божественные законы не противоречат друг другу.

⁷ Rougier L. La Scholastique et le Thomisme. – Paris, 1925. P. 102–105, 116–117, 460–562.

Однако такой способ решения проблемы не устранил антагонизма; он просто сместил его в другую область. Конфликт существует уже не между верой и разумом, а между томистской философией [8] и другими способами философского рассуждения. Мы можем оставить в стороне настоящие догматы, такие, как Сотворение мира, Воплощение, Троица, поскольку они не оказывают прямого влияния на проблемы отношений между людьми. Но остается много проблем, в отношении которых христианские церкви и конфессии не готовы уступить мирскому рассуждению и оценке с точки зрения общественной пользы. Таким образом, признание естественного права со стороны христианской теологии было всего лишь условным. Оно касалось только определенного типа естественного права, не противоречившего учению Христа в интерпретации этих церквей и конфессий. Оно не признавало верховенства разума и было несовместимо с принципами утилитарной философии.

Вторым фактором, затруднявшим эволюцию естественного права в сторону превращения в последовательную и всеобъемлющую систему человеческой деятельности, была ошибочная теория биологического равенства людей. В неприятии аргументов, выдвигавшихся в защиту правовой дискриминации людей и сословного общества, многие защитники равенства перед законом зашли слишком далеко. Заявлять, что «при рождении человеческие младенцы, несмотря на их особенности, одинаковы как «форды»⁸, означает отрицать факты столь очевидные, что это подмочило репутацию всей философии естественного права в целом. Настаивая на биологическом равенстве доктрина естественного права оттолкнула все здравые аргументы, выдвигавшиеся в пользу принципа равенства перед законом. Тем самым она позволила распространиться всевозможным разновидностям правовой дискриминации индивидов и групп индивидов. Она вытеснила учения либеральной социальной философии. Она разбудила ненависть и насилие, международные войны и внутренние революции, она подготовила человечество к принятию агрессивного национализма и расизма.

Основным достижением идеи естественного права было отрицание доктрины (иногда называемой правовым позитивизмом), согласно которой конечным источником «писаного закона» следует считать военную силу законодателя, который в состоянии насильно заставить повиноваться всех, кто пренебрегает его декретами. Естественное право учит, что «писанные законы» могут быть плохими законами, и плохим законам противопоставляет хорошие законы, которым приписывает божественное или естественное происхождение. Но было бы иллюзией отрицать, что наилучшая система законов не может быть внедрена в практику, если не поддерживается и не проводится в жизнь с помощью оружия. Философы закрывали глаза на очевидные исторические факты. Они отказались признавать, что дело, которое они считали правым, добилось успеха только потому, что его приверженцы разбили защитников неправого дела. Христианская вера обязана своим успехом длинной серии военных побед в многочисленных сражениях между римскими императорами и цезарями и удачных походах, открывших Восток для деятельности миссионеров. Американская независимость победила, потому что английские войска были разгромлены повстанцами и французами. Грустная правда заключается в том, что Марс помогает большим батальонам, а не правому делу. Поддержка противоположного мнения подразумевает веру, что исход вооруженного конфликта является судом божьим, в ходе которого Бог всегда дарует победу сторонникам правого дела. Но такое допущение уничтожило бы суть доктрины естественного права, основная идея которого – противопоставление позитивного права, провозглашаемого и проводимого в жизнь властями предержащими, и «высшего» права, опирающегося на глубинную природу человека.

Однако все недостатки и противоречия доктрины естественного права не должны помешать нам признать ее здоровое ядро. В гуще иллюзий и совершенно произвольных предубеждений была спрятана идея о том, что любой действующий закон страны открыт для критического

⁸ Kallen H. M. Behaviorism // Encyclopedia of the Social Sciences. – Macmillan, 1930—35. V. 3. P. 498.

исследования посредством разума. О критериях, которые следует применять в таком исследовании, старые представители школы имели лишь смутные представления. Они обращались к природе и с неохотой признавали, что конечные критерии добра и зла должны быть найдены в результатах, порождаемых законом. Утилитаризм окончательно завершил интеллектуальную эволюцию, начало которой было положено греческими софистами.

Но ни утилитаризм, ни один из вариантов доктрины естественного права не смогли и не нашли способа устранить конфликт антагонистичных ценностных суждений. Бесполезно делать акцент на том, что природа – окончательный арбитр в том, что правильно и что неправильно. Природа явно не спешит раскрыть человеку свои планы и замыслы. Таким образом, апеллирование к естественному праву не разрешает спор. Оно просто заменяет разногласия, касающиеся интерпретации естественного права, разногласиями в ценностных суждениях. С другой стороны, утилитаризм вообще не имеет дела с конечными целями и ценностными суждениями. Он неизменно обращается только к средствам.

5. Откровение

Богооткровенная религия черпает свой авторитет и аутентичность из сообщения человеку воли Вседержителя. Она дает неопровержимую достоверность.

Однако люди сильно расходятся во взглядах на содержание открытой истины, так же, как и по поводу его правильной – ортодоксальной – интерпретации. Несмотря на грандиозность, величие и возвышенность религиозных чувств, между различными верами и вероисповеданиям существуют неразрешимые конфликты. Даже если единство может быть достигнуто в вопросах исторической аутентичности и достоверности откровения, проблема точности разных интерпретаций текста все равно останется.

Любая вера претендует на абсолютную достоверность. Но ни одна религиозная фракция не знает никакого мирного средства, которое бы всегда побуждало инакомыслящих добровольно отказаться от своих ошибок и принять истинную веру.

Если бы люди различных вероисповеданий встретились для мирного обсуждения своих разногласий, то не смогли бы найти никакой общей основы для своей конференции, кроме утверждения: по плодам их узнаете их [9]. Однако этот утилитаристский метод бесполезен до тех пор, пока люди не пришли к согласию относительно критериев оценки результатов.

Религиозное апеллирование к абсолютным вечным ценностям не ликвидирует конфликтующие ценностные суждения. Оно просто приводит к религиозным войнам.

6. Атеистическая интуиция

Другие попытки обнаружить абсолютный критерий ценностей делались без обращения к божественной реальности. Подчеркнуто отвергая все традиционные религии и претендуя на присвоение своим учениям эпитета «научный», разные авторы пытались подменить новой верой старую. Они претендовали на знание того, что непостижимая сила, направляющая все космическое становление, приуготовила человечеству. Они провозглашали абсолютный критерий ценностей. Добро – это то, что ведет по пути, по которому эта сила хочет, чтобы следовало человечество; все остальное – зло. В их словаре «прогрессивный» – синоним добра, а «реакционный» – синоним зла. Прогресс неизбежно одерживает триумф над реакцией, поскольку люди не в силах отклонить ход истории от направления, предначертанного непостижимой движущей силой. Такова метафизика Карла Маркса – вера современного самозванного прогрессизма.

Марксизм является революционной доктриной. Марксизм недвусмысленно провозглашает, что замысел движущей силы будет осуществлен при помощи гражданской войны. Это подразумевает, что в конечном итоге в этих битвах правое дело, т. е. дело прогресса, должно

победить. Тогда все конфликты по поводу ценностных суждений должны исчезнуть. Ликвидация инакомыслящих установит не вызывающее сомнения господство абсолютных вечных ценностей.

Эта формула решения конфликта ценностных суждений, безусловно, не нова. Этот метод известен и практикуется с незапамятных времен. Убивайте неверных! Сжигайте еретиков! Новое здесь заключается в том, что теперь это продается публике под маркой «науки».

7. Идея справедливости

Одним из мотивов, побуждающих людей искать абсолютный и непреложный критерий ценности, является предположение, что мирное сотрудничество возможно только среди людей, которые руководствуются одинаковыми ценностными суждениями.

Очевидно, что общественное сотрудничество не возникло и не могло поддерживаться, если бы подавляющее большинство людей не рассматривало бы его в качестве средства для достижения всех своих целей. Стремясь к сохранению собственной жизни и здоровья и к максимально возможному устранению ощущаемого беспокойства, индивиды видят в обществе средство, а не цель. Даже относительно этого пункта полное единодушие отсутствует. Однако мы можем пренебречь несогласием аскетов и отшельников не потому что их мало, а потому что их планы не нарушаются, если люди в стремлении осуществить свои планы сотрудничают в обществе.

Между членами общества существуют разногласия относительно наилучших методов его организации. Но это разногласия по поводу средств, а не конечных целей. Возникающие при этом проблемы могут быть решены без обращения к ценностным суждениям.

Разумеется, почти все, кто руководствуется традиционным подходом к этическим рецептам, категорически отвергают такую интерпретацию этого вопроса. Общественные институты, утверждают они, должны быть справедливыми. Недостойно оценивать их просто в соответствии с их пригодностью для достижения определенных целей, как бы ни были эти цели желательны с любой иной точки зрения. Справедливость прежде всего. Экстремальную формулировку этой идеи можно найти во фразе: *fiat justitia, pereat mundus*⁹. Пусть справедливость восторжествует, даже если мир будет разрушен. Большинство сторонников постулата справедливости отвергнет эту максиму как экстравагантную, абсурдную и парадоксальную. Но она не более абсурдна, а просто более скандальна, чем любая другая ссылка на произвольное понятие абсолютной справедливости. Она со всей ясностью демонстрирует ложность методов, применяемых в дисциплине интуитивной этики.

Метод этой нормативной квазинауки – вывод определенных заповедей из интуиции и исследование их, как если бы их принятие в качестве руководства к действию не оказывало бы влияния на достижение остальных целей, рассматриваемых как желаемые. Моралисты не беспокоятся о неизбежных последствиях воплощения их постулатов в жизнь. Нам нет нужды ни обсуждать позицию людей, для которых обращение к справедливости лишь явный предлог, выбранный сознательно или подсознательно, чтобы замаскировать свои краткосрочные интересы, ни разоблачать ханжество таких сомнительных понятий, как справедливые цены и справедливая заработная плата¹⁰. Философы, приписывающие в своих трактатах по этике высшую ценность справедливости и применяющие мерку справедливости ко всем общественным институтам, не виноваты в этих уловках. Они не поддерживали эгоистичные групповые интересы, провозглашая только их справедливыми, честными и добродетельными, и не порочили всех несогласных, описывая их как апологетов неправого дела. В существование вечной идеи

⁹ Да свершится правосудие, и да погибнет мир (лат.).

¹⁰ См.: Мизес Л. Человеческая деятельность. С. 673–677.

абсолютной справедливости и в обязанность человека организовать все человеческие институты в согласии с этим идеалом верили платоники. Познавание справедливости дается человеку его внутренним голосом, т. е. интуицией. Поборники этой доктрины не задаются вопросом, каковы будут последствия реализации их проекта. Они молчаливо предполагают, что либо эти последствия будут благоприятными, либо человечество обязано смириться даже с очень болезненными последствиями справедливости. Еще меньше внимания эти учителя нравственности обращают на тот факт, что люди могут расходиться (и на самом деле расходятся) в интерпретации внутреннего голоса и что невозможно найти метод мирного урегулирования подобных разногласий.

Все эти этические доктрины не могут понять, что вне общественных уз нет ничего, чему можно было бы присвоить эпитет «справедливый». Гипотетически изолированный индивид под давлением биологической конкуренции должен смотреть на всех остальных людей как на смертельных врагов. Его единственная забота – сохранить собственную жизнь и здоровье; ему не нужно обращать внимание на последствия, которые его выживание будет иметь для других людей; он не нуждается в справедливости. Он озабочен только гигиеной и обороной. Но в рамках общественного сотрудничества с другими людьми индивид вынужден воздерживаться от поведения, несовместимого с жизнью в обществе. Только в этом случае возникает различие между тем, что является справедливым и тем, что является несправедливым. Оно всегда относится только к межчеловеческим общественным отношениям. То, что выгодно индивиду и не оказывает неблагоприятного влияния на окружающих, например соблюдение правил приема некоторых лекарств, остается гигиеной.

Конечным критерием справедливости является содействие сохранению общественного сотрудничества. Поведение, способствующее сохранению общественного сотрудничества, является справедливым, поведение, наносящее ущерб сохранению общества – несправедливым. Не может стоять вопрос об организации общества на основе произвольных предвзятых представлений о справедливости. Задача в том, чтобы организовать общество для максимально возможного осуществления тех целей, которых посредством общественного сотрудничества стремятся достигнуть люди. Общественная польза – единственный критерий справедливости. Она является единственным ориентиром законодательства.

Таким образом между эгоизмом и альтруизмом, между экономической наукой и этикой, между интересами индивида и интересами общества не существует непримиримого конфликта. Философия утилитаризма и ее самый прекрасный продукт – экономическая наука – сводят этот кажущийся антагонизм к противопоставлению краткосрочных и долгосрочных целей. Общество не смогло бы возникнуть или сохраниться без гармонии правильно понимаемых интересов всех его членов.

Существует только один способ трактовки всех проблем общественной организации и поведения членов общества, а именно метод, применяемый праксиологией и экономической наукой. Никакой другой метод не может способствовать прояснению этих вопросов.

Концепция справедливости, используемая в юриспруденции, ссылается на легальность, т. е. на законность с точки зрения действующего права страны. Она подразумевает справедливость *de lege lata*¹¹. Наука о праве ничего не может сказать о *de lege ferenda*¹², о законах, какими они должны быть. Введение в действие новых законов и отмена старых является задачей законодательного органа, единственный критерий которого – общественная польза. Помощь, которую законодатель может ждать от юристов, касается только технических деталей, а не существа законов или декретов.

Нормативной науки, науки о том, что должно быть, не существует.

¹¹ С точки зрения действующего закона (*лат.*).

¹² С точки зрения законодательного предположения (*лат.*).

8. Доктрина утилитаризма: новая формулировка

Суть учений философии утилитаризма в применении к проблемам общества может быть переформулирована следующим образом.

Человеческие усилия на основе принципа разделения труда в условиях общественного сотрудничества добиваются, при прочих равных условиях, большей отдачи на единицу затрат, чем изолированные усилия одиноких индивидов. Разум человека способен осознать этот факт и соответствующим образом приспособить свое поведение. Таким образом, общественное сотрудничество почти для каждого человека становится средством достижения всех целей. Специфически человеческий общий интерес – сохранение и интенсификация общественных связей, заменяет собой безжалостную биологическую конкуренцию – существенный признак жизни животных и растений. Человек становится общественным существом. Неизбежные законы природы больше не вынуждают его смотреть на всех остальных особей своего зоологического вида как на смертельных врагов. Другие люди становятся его собратьями. Для животных каждый новый член данного вида означает нового соперника в борьбе за жизнь. Для человека, пока не достигнут оптимальный размер населения, это означает скорее улучшение, чем ухудшение его материального благополучия.

Несмотря на все социальные достижения, человек по своей биологической структуре остается млекопитающим. Его самые насущные потребности – питание, тепло и кров. Только когда эти потребности удовлетворены, он может заняться другими, присущими только человеческому виду и потому называемыми специфически человеческими или высшими потребностями. Удовлетворение последних также, как правило, зависит, по крайней мере в определенной степени, от наличия различных материальных осязаемых вещей.

Так как для действующего человека общественное сотрудничество является средством, а не целью, то чтобы заставить его работать, нет необходимости в единодушии относительно ценностных суждений. Факт, что почти все люди сходятся в стремлении к определенным целям, к тем удовольствиям, которые кабинетные моралисты презирают как низменные и недостойные. Но точно также факт, что люди не могут преследовать даже самые возвышенные цели, пока не удовлетворят нужды своего животного тела. Самые величественные творения философии, искусства и литературы никогда не были бы созданы людьми, живущими вне общества.

Моралисты превозносят благородство людей, стремящихся к вещи ради нее самой. «Deutsch sein heisst eine Sache um ihrer selbst willen tun»¹³, провозгласил Рихард Вагнер¹⁴, и нацисты всех народов признали этот афоризм в качестве фундаментального принципа своей веры. Но то, что преследуется в качестве конечной цели, ценится в соответствии с непосредственным удовлетворением, получаемым в результате ее достижения. Нет ничего страшного в том, чтобы кратко заявить, что цель преследуется ради нее самой. Тогда фраза Вагнера сводится к трюизму: конечные цели являются целями, а не средствами достижения других целей.

Кроме того, моралисты выдвигают против утилитаристов обвинение в (этическом) материализме. Здесь они также искажают доктрину утилитаризма. Ее суть заключается в понимании того, что действие преследует выбранную цель и что, следовательно, не может быть никаких иных критериев оценки поведения, кроме желательности или нежелательности его результатов. Заповеди этики предназначены сохранять, а не разрушать «мир» (world). Они призывают людей примириться с нежелательными краткосрочными последствиями, чтобы не вызвать еще более нежелательных долгосрочных последствий. Но они никогда не должны рекомендовать действия, последствия которых они сами считают нежелательными, только потому,

¹³ Быть немцем – значит хотеть что-то сделать исключительно ради дела (нем).

¹⁴ Deutsche Kunst und Deutsche Politik. Samtliche Werke. 6th ed. Leipzig: Breitkopf and Hartel. Bd. 8. S. 96.

что не намерены бросать вызов произвольному правилу, выведенному интуитивно. Формула *fiat justitia, pereat mundus* развенчана как полный абсурд. Этическая доктрина, не учитывающая все последствия действий, представляет собой плод фантазии.

Утилитаризм не учит людей стремиться только к чувственным удовольствиям (хотя он признает, что большинство или, по крайней мере, многие люди ведут себя именно таким образом). Не позволяет он себе также и ценностных суждений. Признавая, что для подавляющего большинства людей общественное сотрудничество является средством достижения своих целей, он развеивает представления об обществе, государстве, нации или любом другом общественном образовании как конечной цели и о том, что отдельный человек является рабом этого образования. Он отвергает философии универсализма, коллективизма и тоталитаризма. В этом отношении имеет смысл называть утилитаризм философией индивидуализма.

Коллективистская доктрина не может понять, что для человека общественное сотрудничество является средством достижения всех его целей. Предполагая, что существует неразрешимый конфликт между интересами коллектива и интересами индивидов, в этом конфликте доктрина безусловно на стороне коллективного образования. Реальным существованием обладают только коллективы; существование индивидов обусловлено существованием коллектива. Коллектив совершенен и не может ошибаться. Индивиды низменны и упрямы; их упорство должно быть обуздано властью, которой Бог или природа доверили управление обществом. Сущестующие власти, говорит апостол Павел, от Бога установлены¹⁵. Они предопределены природой или сверхчеловеческим фактором, управляющим космическими событиями, говорят коллективисты-атеисты.

Сразу же возникают два вопроса. Первый: если правда, что интересы коллектива и интересы индивидов непримиримо противоположны друг другу, то как может функционировать общество? Допустим, что индивидов от открытого мятежа удерживает сила оружия. Но нельзя предположить, что их активное сотрудничество обеспечено простым принуждением. Система производства, в которой единственным побуждением к работе является страх наказания, не может быть устойчивой. Именно этот факт заставил исчезнуть рабство как систему управления производством.

Второй: если коллектив не является средством, с помощью которого индивиды могут достигнуть своих целей, если расцвет коллектива требует от индивидов жертв, которые не перевешивает выгода, получаемая за счет общественного сотрудничества, то что заставляет защитников коллективизма отдавать преимущество интересам коллектива, а не личным желаниям индивидов? Можно ли в пользу такого возвеличивания коллектива выдвинуть какие-либо аргументы, кроме личных ценностных суждений?

Разумеется, ценностные суждения каждого являются личным делом. Если человек приписывает интересам коллектива более высокую ценность, чем своим собственным, и соответствующим образом действует, то это его дело. Пока коллективистские философы идут по этому пути, не может возникнуть никаких возражений. Но у них другая аргументация. Они возводят свои личные ценностные суждения в ранг абсолютного критерия ценности. Они принуждают других людей отказаться определять ценность согласно своей воле и безусловно признать заповеди, которым коллективизм присвоил абсолютную вечную правильность.

Поверхностность и произвольность коллективистской точки зрения становится еще более очевидной, если вспомнить, что за исключительную лояльность индивидов конкурируют разные коллективистские партии. Даже если свои коллективистские идеалы эти партии выражают одними и теми же словами, разные писатели и лидеры расходятся в толковании сути того, что имеется в виду. Государство, которое Фердинанд Лассаль называл богом и которому он приписывал верховенство, не соответствовало идолу Гегеля и Шталя, государству Гогенцол-

¹⁵ Рим 13:1.

лернов. Является ли единственным законным коллективом все человечество или каждая из множества наций? Является ли коллективом, которому обязан быть лояльным немецкоязычный швейцарец, Швейцарская Конфедерация или *Volksgemeinschaft*¹⁶, включающий в себя всех людей, говорящих на немецком языке? В ранг верховного коллектива, заслоняющего собой все остальные коллективы и требующего подчинения своей индивидуальности всех благонамеренных людей, возводились все крупные социальные образования, такие, как народы, языковые группы, религиозные сообщества, партийные организации. Но индивид может отказаться от автономных действий и безусловно подчинить свое я только *одному* коллективу. Какой именно это должен быть коллектив, можно определить только при помощи совершенно произвольного решения. Кредо коллектива необходимо является исключительным и тоталитарным. Оно жаждет всего человека и не желает делить его ни с каким другим коллективом. Оно стремится установить исключительное верховенство только одной системы ценностей.

Разумеется, существует только один способ сделать собственные ценностные суждения истиной в последней инстанции. Нужно силой подчинить всех несогласных. Именно к этому стремятся все представители различных коллективистских доктрин. В конечном счете они рекомендуют использовать насилие и безжалостное уничтожение всех, кого они признают еретиками. Коллективизм является доктриной войны, нетерпимости и гонений. Если бы усилия какого-либо коллективистского кредо увенчались успехом, то все люди, кроме великого диктатора, лишились бы своих сущностных человеческих качеств, превратились просто в бездушные пешки в руках монстра.

Отличительная черта свободного общества – возможность функционировать несмотря на то, что его члены расходятся по поводу многих ценностных суждений. В рыночной экономике бизнес служит не только большинству, но и множеству меньшинств, если они не слишком малы относительно экономических благ, которые требуются для удовлетворения их особых желаний. Философские трактаты публикуются, если предвидится достаточное количество читателей, чтобы покрыть издержки, хотя их читают немногие, а массы предпочитают другие книги или никаких.

9. Об эстетических ценностях

Поиск абсолютных стандартов ценности не ограничивался областью этики. Он также затронул эстетические ценности.

В этике общая основа для выбора правил поведения дана в той мере, в какой люди соглашались считать сохранение общественного сотрудничества основным средством достижения всех своих целей. Таким образом, в действительности, любой спор о правилах поведения касается средств, а не целей. Следовательно, существует возможность оценить эти правила с точки зрения их адекватности мирному функционированию общества. Даже твердые сторонники интуиционистской этики в конце концов прибегают к оценкам поведения с точки зрения его влияния на человеческое счастье¹⁷.

Эстетические ценностные суждения совсем иное дело. В этой области нет такого согласия, какое существует в отношении понимания, что общественное сотрудничество является основным средством достижения всех целей. Здесь все разногласия неизменно касаются ценностных суждений, ни по одному средству достижения какой-либо цели не существует согласия. И нет никакого пути примирения конфликтующих суждений. Не существует никакого

¹⁶ Единый немецкий народ (нем.).

¹⁷ Даже Кант. См.: Критика практического разума. Ч. I. Кн. II. Гл. I – СПб.: Наука, 1995. С. 217–218. Ср.: Jodl F. Geschichte der Ethik. 2d ed. – Stuttgart, 1912. V. 2. S. 35–8.

критерия, на основе которого можно было бы исправить заключение «это мне нравится» или «это мне не нравится».

Достойная сожаления склонность гипостазировать разные аспекты человеческого мышления и действия привела к попыткам давать определение красоте и затем применять эту произвольную концепцию в качестве мерила. Однако не существует никакого приемлемого определения красоты, кроме «то, что нравится». Нормативов красоты не существует, точно также не существует эстетики как нормативной дисциплины. Помимо исторических и технических наблюдений профессиональный критик искусства и литературы может сказать лишь то, что ему работа нравится или не нравится. Работа может подтолкнуть его к глубоким комментариям и изысканиям, но его ценностные суждения остаются личными и субъективными и не обязательно оказывают влияние на суждения других людей. Понимающий человек с интересом познакомится с тем, что вдумчивый автор говорит о впечатлении, которое произвело на него произведение искусства. Но человек сам определяет, позволит ли он мнению другого человека, каким бы авторитетным оно ни было, оказать влияние на свои собственные суждения.

Наслаждение искусством и литературой предполагает определенную предрасположенность и восприимчивость со стороны публики. Лишь немногие имеют врожденный вкус. Остальные должны культивировать способность наслаждаться произведениями искусства. Чтобы стать знатоком, человек должен узнать и прочувствовать многое. Но как бы ни блистал человек в качестве хорошо информированного эксперта, его ценностные суждения остаются личными и субъективными. Большинство выдающихся критиков и, собственно говоря, также большинство писателей, поэтов и художников расходятся в оценках знаменитых шедевров.

Только ходульные доктринеры считают, что можно сформулировать абсолютные нормы, что является красивым, а что нет. Из работ прошлого они пытаются извлечь свод правил, которым, как они считают, должны подчиняться писатели и художники будущего. Но гении не общаются с учеными мужами.

10. Историческое значение поиска абсолютных ценностей

Полемика о ценности не является схоластическим спором, который интересен только буквоедам. Она затрагивает жизненно важные вопросы человеческой жизни.

Современный рационализм заменил собой мировоззрение, нетерпимо относившееся к раскольническим ценностным суждениям. Сам факт инакомыслия рассматривался как дерзкий вызов, смертельное оскорбление чьих-то чувств. Результатом были длительные религиозные войны.

Несмотря на то, что определенная нетерпимость, фанатизм и жажда преследований в религиозных вопросах еще сохраняется, маловероятно, что религиозные страсти станут причиной войны в ближайшем будущем. В нашу эпоху дух агрессивности имеет иной источник – стремление сделать государство тоталитарным и лишить индивида автономии.

Это правда, что сторонники социалистических и интервенционистских программ рекомендовали их только в качестве средства достижения целей, общих со всеми другими членами общества. Они считали, что общество, организованное в соответствии с их принципами, лучше всего обеспечит людей теми материальными благами, ради приобретения которых они усиленно трудятся. Разве можно представить более желаемое общественное положение дел, чем «высшая фаза коммунистического общества», когда, как говорит нам Маркс, общество даст «каждому по потребностям»?

Однако все попытки социалистов доказать свои аргументы полностью провалились. Маркс оказался в замешательстве, когда потребовалось было опровергнуть хорошо обоснованные возражения, выдвинутые еще в его время в адрес второстепенных трудностей социалистических проектов. Именно беспомощность в этом отношении побудила Маркса разработать

три фундаментальных доктрины его догматизма¹⁸. Когда позднее экономисты продемонстрировали, почему социалистический порядок, необходимо лишенный какого-либо метода экономического расчета, никогда не сможет функционировать как экономическая система, все аргументы, выдвинутые в пользу великой реформы, рухнули. С этого момента социалисты основывают свои надежды не на силе аргументов, а на чувстве обиды, зависти и ненависти масс. Сегодня даже адепты «научного» социализма полагаются исключительно на эти эмоциональные факторы. Фундаментом современного социализма и интервенционизма являются ценностные суждения. Социализм прославляется как единственно справедливый вариант экономической организации общества. Все социалисты, как марксисты, так и не-марксисты, защищают социализм как единственную систему, согласующуюся со шкалой произвольно установленных абсолютных ценностей. Эти ценности, заявляют они, являются единственными действительными ценностями для всех порядочных людей, прежде всего рабочих, составляющих большинство современного индустриального общества. Ценности считаются абсолютными, потому что поддерживаются большинством, а большинство всегда право.

Поверхностный взгляд на проблемы правительства видит разницу между свободой и деспотизмом во внешних проявлениях системы правления и администрации, а именно в количестве людей, осуществляющих прямой контроль над общественным аппаратом сдерживания и принуждения. Подобный количественный критерий является основой известной классификации различных форм правления, предложенной Аристотелем. Концепции монархии, олигархии и демократии до сих пор сохраняют такой подход к проблеме. Однако его неадекватность настолько очевидна, что ни один философ не избежал упоминания фактов, не согласующихся с ним, и поэтому считающихся парадоксальными. В качестве примера можно привести факт, признаваемый уже древнегреческими авторами: тирания часто, или даже регулярно, поддерживалась массами, и в этом смысле была популярным правительством. Современные авторы называют этот тип правления «цезаризмом» и продолжают смотреть на него как на исключительный случай, обусловленный особыми обстоятельствами; но они также затрудняются удовлетворительно объяснить, что делает эти обстоятельства исключительными. Однако зачарованные традиционной классификацией люди молчаливо соглашались с этой поверхностной интерпретацией до тех пор, пока казалось, что она должна объяснять только современную европейскую историю и историю Второй империи во Франции [10]. Окончательно доктрина Аристотеля рухнула, когда столкнулась с «диктатурой пролетариата» [11] и автократией Гитлера, Муссолини, Перона и других современных последователей древнегреческих тиранов.

Путь к реалистическому разграничению свободы и зависимости был открыт двести лет назад в бессмертном эссе Давида Юма «О первоначальных принципах правления». Правление, учит Юм, всегда является правлением немногих над многими. Поэтому сила всегда находится на стороне тех, кем правят, а правителей не поддерживает ничего, кроме мнения. Это понимание, логически доведенное до своих выводов, полностью изменило характер обсуждения проблем свободы. Механическая и арифметическая точка зрения была отброшена. Если в конечном счете общественное мнение в ответе за структуру правления, то именно эта сила также определяет, будет ли существовать свобода или зависимость. Фактически, существует только один фактор, во власти которого сделать людей несвободными – тираническое общественное мнение. Борьба за свободу в конечном счете это не сопротивление деспотам или олигархам, а сопротивление деспотизму общественного мнения. Это не борьба многих против немногих, а борьба меньшинства – иногда меньшинства, состоящего из одного человека, – против большинства. Наихудшей и самой опасной формой абсолютистского правления является нетерпимое большинство. Таков вывод, к которому пришли Токвилль и Джон Стюарт Милль.

¹⁸ Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. – М.: Catallaxy, 1994. С. 17.

В своем эссе о Бентаме Милль указал, почему этот выдающийся философ не сумел понять реальную проблему и почему его доктрина нашла признание у некоторых самых благородных натур. Бентам, говорит он, жил «во времена реакции против аристократического правления современной Европой». Реформаторы его эпохи «привыкли видеть, что численное большинство везде несправедливо притесняется, везде попирается или в лучшем случае игнорируется правительствами». В такую эпоху легко забыть, что «все страны, характеризующиеся поступательным развитием или на протяжении длительного периода остававшиеся великими, были таковыми, потому что существовала организованная оппозиция правящей власти, какого бы рода эта власть ни была... Почти все когда-либо жившие великие люди были частью этой оппозиции. Везде, где такого спора не было, везде, где он был прекращен в результате полной победы одного из конкурирующих принципов и на месте старой борьбы не возникла новая, общество либо заостеневало в китайской стационарности, либо подвергалось разложению»¹⁹.

Многим из того, что было здравым в политической доктрине Бентама, пренебрегли его современники, многое было отвергнуто последующими поколениями и имело небольшое практическое значение. Но его ошибочное разграничение деспотизма и свободы без колебаний признано большинством авторов XIX в. На их взгляд, подлинная свобода означала необузданный деспотизм большинства.

Не умея мыслить логически и будучи невежественными как в истории, так и в теории широко превозносимые «прогрессивные» писатели отказались от фундаментальных идей эпохи Просвещения: свободы мысли, слова и информации. Не все из них были столь же откровенны, как Конт и Ленин; но все они провозглашали, что свобода означает право говорить только правильные вещи, а фактически вывернули идеи свободы мысли и совести наизнанку. Не «Силлабус» [12] папы римского Пия IX проторил дорогу нетерпимости и преследованию инакомыслящих, а работы социалистов.

После непродолжительного триумфа свободы зависимость под маской свободы вернулась как завершение неоконченной революции и окончательное освобождение индивида.

Концепция абсолютных и вечных ценностей является необходимым элементом этой тоталитарной идеологии. Истиной является то, что провозглашают истиной те, кто находятся у власти. Инакомыслящее меньшинство недемократично, поскольку отказывается признать в качестве истины мнение большинства. Все средства «ликвидации» этих мятежных негодяев являются «демократическими» и поэтому нравственными.

¹⁹ John Stuart Mill on Bentham. F.R. Leavis, ed. under the title: Mill on the Bentham and Coleridge. – N. Y.: Stewart, 1950. P. 85—7.

Глава 4 Отрицание ценности

Исследуя ценностные суждения, мы смотрели на них как на предельные данные, не поддающиеся никакому сведению к другим данным. Мы не утверждаем, что ценностные суждения в том виде, как они высказываются людьми и используются в качестве руководства к действию, являются первичными фактами, не зависящими ни от каких условий внешнего мира. Такое допущение противоречило бы здравому смыслу. Человек – часть Вселенной, он продукт действующих в ней сил, и все его мысли и действия подобно звездам, атомам и животным – элементы природы. Они вплетены в неумолимую взаимозависимость всех явлений и событий.

Утверждение, что ценности являются конечными данными фактами, означает, что человеческий разум не способен найти их причину в тех фактах и событиях, с которыми имеют дело естественные науки. Мы не знаем, почему и каким образом определенные обстоятельства внешнего мира вызывают в человеческом разуме определенную реакцию. Мы не знаем, почему разные люди и одни и те же люди в разные моменты своей жизни по-разному реагируют на одинаковые внешние раздражители. Мы не можем обнаружить необходимых связей между внешними событиями и идеями, которые они порождают в человеческом разуме.

Чтобы прояснить этот вопрос, мы должны проанализировать доктрину, разделяющую противоположное мнение. Мы должны исследовать все разновидности материализма.

Часть II Детерминизм и материализм

Глава 5 Детерминизм и его критики

1. Детерминизм

Какой бы ни была истинная природа Вселенной и реальности, человек может узнать о ней только то, что позволяет постичь логическая структура его разума. Разум – единственный инструмент человеческой науки и философии – не дает абсолютного знания и окончательной мудрости. Бессмысленно заниматься умозрениями о предельных вещах. То, что по ходу изысканий человека предстает как конечная данность, не поддающаяся дальнейшему анализу и сведению к чему-либо более фундаментальному, может как оставаться, так и не оставаться тем же для более совершенного интеллекта. Нам это не известно.

Человек не способен мысленно схватить ни концепцию абсолютного ничто, ни возникновение чего-то из ничего. Сама идея творения выходит за пределы его понимания. Бог Авраама, Исаака и Иакова, которого Паскаль в своих «Мыслях» противопоставил Богу «философов и святых», является живым образом и имеет ясное и определенное значение для верующих. Но философы в своих попытках сконструировать концепцию Бога, описать его атрибуты и то, как он управляет мирскими делами, запутываются в неразрешимых противоречиях и парадоксах. Бог, сущность и образ действий которого смертный человек может четко выделить и определить, не будет похож на Бога пророков, святых и мистиков.

Логическая структура разума предписывает человеку детерминизм и категорию причинности. Человек видит, что все, что бы ни случилось во Вселенной, представляет собой необходимую эволюцию сил, энергии и качеств, уже присутствовавших в изначальном состоянии X, из которого возникли все вещи. Во Вселенной все взаимосвязано, и все изменения являются результатами сил, присущих вещам. Не бывает никакого изменения, которое не было бы необходимым следствием предшествующего состояния. Все явления зависят от их причин и обусловлены ими. От необходимого хода событий невозможно никакое отклонение. Все регулируется вечными законами.

В этом смысле детерминизм является эпистемологической основой человеческого стремления к знанию²⁰. Человек неспособен даже представить себе образ недетерминированной Вселенной. В таком мире не существует никакого знания о материальных вещах и их изменениях. Все выглядит бессмысленным хаосом. Ничего нельзя идентифицировать или отличить от чего-то другого, ничего нельзя было бы ожидать и предсказывать. В такой среде человек беспомощен, говорит на неизвестном языке. Невозможно спланировать какое-либо действие, а тем более его осуществить. Но человек является тем, что он есть, потому что живет в мире регулярности и имеет умственные способности, чтобы постичь отношение причины и следствия.

Любое эпистемологическое размышление должно привести к детерминизму. Но принятие детерминизма создало некоторые теоретические трудности, которые казались неразрешимыми. Хотя ни одна философия не доказала ложность детерминизма, были некоторые идеи, в отношении которых люди не смогли прийти к общему мнению. Они подвергали идеи страстным атакам, поскольку верили, что они в конце концов приведут к абсурду.

²⁰ «Наука детерминистична. Она является таковой a priori, она постулирует детерминизм, так как без него она не могла бы существовать». *Пуанкаре А.* Последние мысли // О науке. – М.: Наука, 1983. С. 666.

2. Отрицание идеологических факторов

Многие авторы предполагали, что детерминизм, подразумевая последовательный материализм, строго отрицает, что мыслительные акты играют какую-то роль в ходе событий. Причинность в контексте этой доктрины означает механическую причинность. Все изменения вызываются материальными предметами, процессами и явлениями. Идеи – всего лишь промежуточные этапы в процессе, посредством которого материальная сила производит определенные материальные следствия. Идеи не имеют самостоятельного существования, а являются лишь отражением вырабатывающих их материальных объектов. Не существует истории идей и направляемых ими действий, есть только история эволюции реальных факторов, порождающих идеи.

С точки зрения такого цельного материализма, единственно последовательной материалистической доктрины, привычные методы историков и биографов должны быть отброшены как идеалистическая чепуха. Бессмысленно изучать развитие определенных идей из других, ранее разделявшихся идей. Например, «ненаучно» описывать, как философские идеи XVII и XVIII вв. развивались из идей XVI вв. «Научная» история должна описать, каким образом из реальных – физических и биологических – обстоятельств каждой эпохи с необходимостью возникают философские принципы. «Ненаучно» описывать эволюцию идей св. Августина, приведшую его от Цицерона к Мани и от манихейства к католицизму [13], как мыслительный процесс. «Научный» биограф должен бы открыть психологические процессы, необходимо ставшие причиной соответствующих философских доктрин.

Задача исследования материализма оставлена для последующих глав. Здесь достаточно установить, что сам по себе детерминизм не подразумевает уступок материалистической точке зрения. Он не отрицает очевидную истину, что идеи имеют самостоятельное существование, вносят вклад в возникновение других идей, оказывают влияние друг на друга. Он не отрицает мыслительной причинности и не отвергает историю как метафизическую и идеалистическую иллюзию.

3. Спор о свободе воли

Человек делает выбор между способами действий, которые несовместимы. Такие решения, говорит доктрина свободы воли, в основе своей неопределенны и беспричинны; они не являются неизбежным исходом предшествовавших условий. Скорее они являются проявлением присущих человеку склонностей, обнаружением его нравственной независимости. Нравственная свобода – свойство, характеризующее сущность человека, ставит его в уникальное положение во Вселенной.

Детерминисты отвергают эту доктрину как иллюзорную. Человек, говорят они, себя обманывает, веря в то, что выбирает сам. Его волю направляет нечто индивиду неизвестное. Он думает, что взвешивает в уме все «за» и «против» альтернативных вариантов, оставленных для выбора, а затем принимает решение. Но не в состоянии понять, что предшествовавшее состояние вещей предписало ему определенную линию поведения и что не существует способа избежать этого давления. Не человек действует, а человеком действуют.

Обе доктрины не обращают должного внимания на роль идей. Выбор, сделанный человеком, определяется принимаемыми им идеями.

Детерминисты правы, утверждая, что все, что случается, представляет собой последовательность предшествовавших состояний вещей. Все, что человек делает в любой момент жизни, зависит от его прошлого, т. е. от его психологического наследства, а также от всего, через что он до этого прошел. Значимость этого тезиса существенно ослабляется отсутствием

сведений, каким образом возникают идеи. Детерминизм несостоятелен, если основывается или связывается с материалистической догмой²¹. Если он не выдвигается в связке с материализмом, то в действительности он мало что говорит и определенно не поддерживает неприятие детерминистами методов истории.

Доктрина свободы воли правильно указывает на фундаментальное различие между человеческой деятельностью и поведением животных. В то время как животное в данный момент уступает физиологическому импульсу, человек выбирает между альтернативными вариантами поведения. Человек даже владеет выбором – уступить самому властному инстинкту – инстинкту самосохранения, или стремиться к другим целям. Все язвительные насмешки и ирония позитивистов не могут отрицать факт, что идеи обладают реальным существованием и являются истинными силами, формирующими ход событий.

Результат умственных усилий людей, т. е. идеи и ценностные суждения, направляющие действия индивидов, нельзя проследить до их причин, и в этом смысле они являются конечными данными. Исследуя их, мы обращаемся к концепции индивидуальности. Но используя это понятие, мы ни в коем случае не подразумеваем, что идеи и ценностные суждения возникают из ничего путем стихийного генерирования и никак не связаны и не имеют никакого отношения к тому, что уже существовало во Вселенной до их появления. Мы просто устанавливаем факт, что мы ничего не знаем о мыслительном процессе, производящем внутри человеческого существа мысли, реагирующие на состояние его физического и идеологического окружения.

Это понимание является зерном истины в доктрине свободы воли. Однако страстные попытки опровергнуть детерминизм и спасти понятие свободы воли не затрагивают проблемы индивидуальности. Они были вызваны практическими последствиями, к которым, как считали люди, неминуемо ведет детерминизм: фаталистической пассивности и освобождению от моральной ответственности.

4. Предопределение и фатализм

Как учат теологи, Бог в своем всеведении заранее знает все, что случится во Вселенной в любое время. Его предвидение неограниченно, и это не просто знание им законов, определяющих все события. Даже во Вселенной, где царствует свободная воля, его предвидение совершенно. Бог полностью и верно предвосхищает все произвольные решения, которые любой индивид когда-либо примет.

Лаплас гордо провозгласил, что его система не нуждается в гипотезе о существовании Бога. Но он сконструировал свой собственный образ квази-Бога и назвал его сверхчеловеческим интеллектом. Этому гипотетическому разуму известны все вещи и события заранее, но только потому, что он знаком со всеми непреложными и вечными законами, регулирующими все явления, как психические, так и физические.

Идея всеведения Бога популярно изображается в виде книги, где записано все будущее. Невозможно никакое отклонение от линии, предначертанной в этом реестре. Все случится именно так, как написано. Что должно произойти – произойдет, не важно, что может предпринять смертный человек для того, чтобы вызвать другой результат. Следовательно, делает вывод последовательный фатализм, человеку бесполезно действовать. К чему утруждаться, если в конце концов все должно прийти к предопределенной цели?

Фатализм настолько противен человеческой природе, что немногие были готовы сделать выводы, к которым он ведет, и соответствующим образом скорректировать свое поведение. Это миф, что победы арабских завоевателей в первые века ислама обязаны фаталистическому учению Магомета. Предводители мусульманских армий, которые за невероятно короткий срок

²¹ См. ниже. С. 74–77.

завоевали большую часть Средиземноморья, не полагались на фаталистическую надежду на Аллаха. Наоборот, они верили, что их Бог находится на стороне большого, хорошо оснащенного и умело руководимого войска. Мужество сарацинских воинов объясняется не слепой верой в судьбу, а другими причинами; христиане в войсках Карла Мателла и Льва III, остановивших их продвижение, были не менее мужественными, чем мусульмане, хотя фатализм не владел их разумом. И летаргия, позднее распространившаяся среди мусульманских народов, не была вызвана фатализмом их религии. Инициативу подданных парализовал деспотизм. Жестокие тираны, угнетавшие массы, явно не были вялыми и апатичными. Они были неутомимы в стремлении к власти, богатству и удовольствиям.

Прорицатели заявляют, что обладают заслуживающим доверия знанием, по крайней мере, некоторых страниц великой книги, где записаны все будущие события. Но никто из этих пророков не был достаточно последовательным в отрицании активизма и в советах своим ученикам, предлагавших спокойно ждать исполнения событий.

Наилучшей иллюстрацией является марксизм. Он учит полной предопределенности, а тем не менее стремится разжечь в людях революционный дух. Какая польза от революционной деятельности, если события происходят в соответствии с предопределенным планом, что бы человек не делал? Зачем марксисты столь усердно занимаются организацией социалистических партий и подрывом рыночной экономики, если социализм должен наступить в любом случае «с неумолимостью закона природы»? Заявление о том, что задача социалистических партий – не создание социализма, а просто оказание акушерской помощи при его рождении, является неудовлетворительным объяснением. Акушер также отклоняет ход событий от пути, по которому они пошли бы без его вмешательства. В противном случае будущие матери не просили бы его помощи. Однако в марксистском диалектическом материализме нет места положению, что какой-либо политический или идеологический факт может повлиять на ход исторических событий, так как последний в своей основе определяется эволюцией материальных производительных сил. Социализм появляется на свет в результате «игры имманентных законов самого капиталистического производства»²². Идеи, политические партии и революционные действия – это просто надстройка; они не могут ни отсрочить, ни ускорить ход истории. Социализм придет, когда материальные условия его появления созреют в чреве капиталистического общества, ни раньше, ни позже²³. Если бы Маркс был последователен, то не занимался бы политической деятельностью²⁴, а спокойно ждал дня, когда «[про]бьет час капиталистической частной собственности»²⁵.

Говоря о фатализме, мы можем пренебречь заявлениями предсказателей. Детерминизм не имеет ничего общего с искусством гадалок, прорицателей и астрологов, или с более претенциозными излияниями авторов «философий истории» [14]. Он не предсказывает будущие события. Он утверждает, что во Вселенной существует регулярность во взаимной связи всех явлений.

Те теологи, которые полагали, что для опровержения фатализма они должны взять на вооружение доктрину свободы воли, сильно ошиблись. Их образ всеведущего Бога был очень несовершенен. Их Бог знал бы только то, что содержится в совершенной книге естественных наук и не знал, что происходит в человеческих умах. Он бы не ожидал, что некоторые люди

²² Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 772.

²³ Ср. ниже. С. 82 и 96.

²⁴ Не написал бы он и часто цитируемый одиннадцатый тезис о Фейербахе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». (Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 263.) Согласно учению диалектического материализма только эволюция материальных производительных сил, а не философы, могут изменить мир.

²⁵ Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 773.

воспримут доктрину фатализма и, сидя со сложенными руками, станут праздно ждать событий, которые Бог, ошибочно предполагая, что они не впадут в пассивность, распределил на их долю.

5. Детерминизм и пенеология

Фактором, часто присутствующим в дискуссиях о детерминизме, было неправильное понимание его практических последствий.

Все неутилитаристские системы этики смотрели на правила морали как на что-то внешнее по отношению к связям средств и целей. Моральный кодекс не имеет никакого отношения к благосостоянию и счастью людей, целесообразности и мирскому преследованию целей. Он гетерономен, т. е. предписан человеку силой, которая не зависит от человеческих идей и которую не волнуют человеческие заботы. Некоторые верят в то, что этой силой является Бог, другие, что это мудрость предков, третьи, что это мистический внутренний голос, живущий в сознании любого порядочного человека. Тот, кто нарушает заповеди этого кодекса, совершает грех, и за свою вину подлежит наказанию. Наказание не служит человеческим целям. Наказывая нарушителей, светские или церковные власти оправдывают себя тем, что выполняют обязанность, возложенную на них моральным кодексом и его автором. Они вынуждены наказывать грех и вину, какими бы ни были последствия их действий.

Однако метафизические понятия вины, греха и воздаяния несовместимы с доктриной детерминизма. Если все действия людей являются неизбежным следствием их причин, если индивиды не могут не действовать так, как их заставляют предшествовавшие действию условия, то вообще не может быть и речи о какой-либо вине. Что за самонадеянная наглость наказывать человека, который просто делает то, что определено вечными законами Вселенной!

Философы и юристы, на этом основании критикующие детерминизм, не видят, что доктрина всемогущества и всеведения Бога ведет к тем же самым выводам, которые побудили их отвергнуть философский детерминизм. Если Бог всемогущ, то не может случиться ничего, чего он не желает, чтобы случилось. Если он всеведущ, то он заранее знает все, что случится. В любом случае человека нельзя считать несущим ответственность²⁶. Молодой Бенджамин Франклин «из предполагаемых свойств, присущих Богу», выводил доказательство: «Создавая мир и управляя им, Бог, поскольку он бесконечно мудр, знал, что будет лучше всего; поскольку он бесконечно добр, он должен быть склонен это воплотить; и поскольку он бесконечно всемогущ, он должен быть способен это осуществить. Следовательно, все правильно»²⁷. Фактически, любые попытки обосновать на метафизической и теологической основе право общества наказывать тех, чьи действия нарушают мирное общественное сотрудничество, открыты для критики аргументами, выдвинутыми против философского детерминизма.

Утилитаристская этика смотрит на проблему наказания под другим углом. Правонарушитель карается не потому, что он плох и заслуживает наказания, а для того, чтобы ни он, ни другие не повторяли этот проступок. Наказание налагается не в качестве воздаяния или возмездия, а как средство предотвращения будущих преступлений. Законодатель и судьи не являются уполномоченными метафизического карающего правосудия. Они выполняют задачу охраны спокойного функционирования общества от поползновений со стороны асоциальных индивидов. Тем самым появляется возможность исследовать проблему детерминизма, не вдаваясь в бессмысленные обсуждения практических последствий, касающихся уголовного кодекса.

²⁶ См.: *Mauthner F. Worterbuch der Philosophie*. 2nd ed. – Leipzig, 1923. Bd. 1. S. 462–467.

²⁷ *Franklin B. Autobiography*. – N. Y.: A.L. Burt, n.d. P. 73–74. Франклин очень скоро отказался от этой аргументации. Он заявил: «Крайняя неопределенность метафизических рассуждений стала меня раздражать, я оставил такого рода чтение и изучаю другие, более удовлетворительные объяснения». После смерти Франца Brentano в его бумагах было обнаружено весьма неубедительное опровержение мысли Франклина. Оно было опубликовано Оскаром Краусом в его издании: *Brentano F. Vom Ursprung sittlicher Erkenntnis*. – Leipzig, 1921. P. 91–95.

6. Детерминизм и статистика

В XIX в. некоторые мыслители настаивали, что статистика неопровержимо опровергла доктрину свободы воли. Утверждалось, что статистика демонстрирует регулярность в совершении определенных человеческих действий, например, преступлений и самоубийств; и эта мнимая регулярность была интерпретирована Адольфом Кетле и Томасом Генри Баклом как эмпирическое доказательство верности жесткого детерминизма.

Однако в действительности статистика демонстрирует не регулярность, а нерегулярность. Количество преступлений, самоубийств и актов забывчивости – которые играют такую заметную роль в умозаключениях Бакла – год от года меняется. Ежегодные изменения, как правило, малы и на протяжении ряда лет часто – но не всегда – демонстрируют определенную тенденцию либо к увеличению, либо к снижению. Эта статистика указывает на исторические изменения, а не на регулярность в том смысле, который придается этому термину в естественных науках.

Специфический метод понимания истории попытается истолковать, почему эти изменения случились в прошлом, и спрогнозировать изменения, которые, вероятно, случатся в будущем. При этом он имеет дело с ценностными суждениями, определяющими выбор конечных целей, с рассуждениями и знаниями, определяющими выбор средств, и с тимологическими особенностями индивидов²⁸. Неминуемо, раньше или позже, но он достигнет точки, в которой обратится только к индивидуальности. С самого начала и до конца трактовка затрагиваемых при этом проблем должна следовать линии любого исследования человеческих дел, быть телеологичной и в качестве таковой радикально отличаться от методов естественных наук.

Но Бакл, ослепленный позитивистским фанатизмом своей среды, быстро формулирует закон: «При данном состоянии общества определенное количество людей должны свести счеты с жизнью. Это общий закон; а частный вопрос относительно того, кто совершит преступление, разумеется, зависит от частных законов, которые, однако, в своем совокупном действии, должны следовать большому социальному закону, которому все они подчинены. И сила более крупного закона настолько неодолима, что ни любовь к жизни, ни страх перед иным миром, ничем не могут помочь, чтобы всего лишь сдержать его действие»²⁹. Формулировка закона Баклом кажется очень определенной и недвусмысленной. Однако она сама себя уничтожает включением фразы «при данном состоянии общества», которую даже восторженный поклонник Бакла называет «ужасно смутным»³⁰. Поскольку Бакл не снабдил нас критериями для определения изменений в состоянии общества, то его формулировку нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть опытом, и таким образом она лишена отличительного признака закона естественных наук.

Через много лет после Бакла выдающиеся физики начали допускать, что некоторые, или даже все, законы механики, возможно, «всего лишь» статистические по своему характеру. Эта доктрина считалась несовместимой с детерминизмом и причинностью. Когда позднее квантовая механика значительно расширила предмет «просто» статистической физики, многие авторы отбросили все эпистемологические принципы, веками направлявшие естественные науки. На макроскопическом уровне, говорят они, мы наблюдаем определенные регулярности, которые прежними поколениями ошибочно интерпретировались как проявление закона природы. В действительности, эти регулярности представляют собой результат статистической

²⁸ О тимологии см. с. 193 и далее.

²⁹ *Buckle T.* Introduction to the History of Civilization in England. J.M. Robertson, ed. London: G. Routledge; N. Y.: E.P. Dutton, n.d. Ch. 1. V. 1. P. 15–16.

³⁰ *Robertson J.M.* Buckle and His Critics. London, 1895. P. 288.

компенсации случайных событий. Видимые причинные соотношения в макромире должны быть объяснены при помощи законов больших чисел³¹.

Итак, закон больших чисел и статистическая компенсация действуют только в области, где существует макроуровневая регулярность и однородность, уравнивающие любую нерегулярность и неоднородность, которые, как кажется, существуют на микроуровне. Если допустить, что, по-видимому, случайные события всегда компенсируют друг друга, так что в многократных наблюдениях большого числа этих событий появляется регулярность, то при этом подразумевается, что эти события следуют определенной модели и поэтому не могут больше считаться случайными. Говоря о законе природы, мы подразумеваем, что во взаимной связи и последовательности явлений существует регулярность. Если серия событий на микроуровне всегда вызывает определенное событие на макроуровне, то регулярность существует. Если бы на микроуровне не было регулярности, то ее не было бы и на макроуровне.

Квантовая механика имеет дело с тем фактом, что мы не знаем, как в каждом отдельном случае будет вести себя атом. Но нам известны возможные модели поведения и пропорции, в которых эти модели реализуются в действительности. Хотя совершенная форма причинного закона выглядит следующим образом: A «производит» B , также существует и менее совершенная форма: A «производит» C в n процентах всех случаев, D в m процентах всех случаев и т. д. Возможно, позднее мы получим возможность разложить A в законе менее совершенной формы на разные элементы, каждому из которых можно будет приписать определенный «результат» в соответствии с законом совершенной формы. Но случится ли это когда-нибудь или нет не имеет никакого значения для проблемы детерминизма. Несвершенный закон также является причинным законом, хотя и обнаруживает недостатки в нашем знании. А поскольку он выявляет специфический тип как знания, так и незнания, он открывает область применения вычисления вероятности. В отношении определенной проблемы мы знаем все о поведении целого класса событий, мы знаем, что класс A произведет определенные результаты в известной пропорции; но все, что мы знаем о каждом A в отдельности, это то, что он является членом класса A . Математическая формулировка этой смеси знания и незнания звучит так: мы знаем вероятность различных результатов, которые возможно могут быть «произведены» индивидуальным A .

Школа нео-индетерминизма в физике не понимает, что утверждение: A «производит» B в n процентах случаев и C в остальных случаях, эпистемологически не отличается от утверждения: A всегда производит B . Первое утверждение отличается от второго только тем, что объединяет в своем понятии A два элемента, X и Y , которые совершенная форма причинного закона должна будет разграничить. Но вопроса о случайности не возникает. Квантовая механика не говорит: отдельные атомы ведут себя как клиенты, выбирающие блюда в ресторане, или избиратели, заполняющие бюллетени. Она говорит: атомы неизбежно следуют определенной модели. Это также проявляется в том, что предсказание об атомах не содержит ссылок ни на определенный период времени, ни на определенное местоположение во Вселенной. Если бы атомы неизбежно и полностью не управлялись бы законом природы, то нельзя было изучать поведение атомов в целом, т. е. без ссылки на время и место. Мы можем использовать термин «индивидуальный» атом, но мы никогда не должны приписывать «индивидуальному» атому индивидуальность в том смысле, в котором этот термин применяется к людям и к историческим событиям.

В области человеческой деятельности философы-детерминисты обращаются к статистике с целью опровергнуть доктрину свободы воли и доказать детерминизм в действиях человека. В области физики философы-индетерминисты обращаются к статистике с целью опро-

³¹ Нейман Дж. фон Математические основы квантовой механики. М.: Наука, 1964. С. 158 и далее.

вергнуть доктрину детерминизма и доказать индетерминизм в природе. Ошибка и тех, и других проистекает из путаницы относительно смысла статистики.

В области человеческой деятельности статистика является методом исторических исследований. Она описывает на языке чисел исторические события, происходящие в определенный период времени с определенными группами людей в определенной географической области. Ее смысл состоит как раз в том, чтобы описать изменения, а не нечто неизменное.

В области природы статистика является методом индуктивных исследований. Ее эпистемологическое обоснование и смысл заключается в твердой уверенности, что в природе существует регулярность и совершенный детерминизм. Законы природы считаются вечными. В каждый момент они действуют полностью. То, что произошло в одном случае, также должно произойти и во всех других похожих случаях. Поэтому информация, сообщаемая статистическим материалом, имеет всеобщность в отношении классов явлений, к которым они относятся; они не относятся только к определенным периодам истории или определенным географическим местам.

К сожалению, эти две абсолютно отличные друг от друга категории статистики смешиваются. И вопрос еще более запутывается, когда их смешивают в понятии вероятности.

Чтобы распутать этот клубок ошибок, недоразумений и противоречий, давайте подчеркнем несколько трюизмов.

Как указывалось выше, человеческий разум не может думать о каком-либо событии как о беспричинном. Концепции случайности, если их должным образом проанализировать, в конечном счете не относятся к течению событий во Вселенной. Они относятся к человеческому знанию, предвидению и деятельности. Они имеют праксиологическую, а не онтологическую коннотацию.

Назвать событие случайным не означает отрицать, что оно – результат предшествовавшего состояния дел. Это означает, что мы, смертные люди, не знаем, случится оно или нет.

Наше понятие природы отсылает к удостоверяемой, перманентной регулярности во взаимной связи и последовательности явлений. Все, что случается в природе и может быть постигнуто с помощью естественных наук, представляет собой результат действия, повторяющегося снова и снова, одних и тех же законов. Естественные науки и познают эти законы. С другой стороны, исторические науки о человеческой деятельности имеют дело с событиями, которые наши мыслительные способности не могут интерпретировать как проявление общего закона. Они изучают индивидуальных людей и индивидуальные события, даже если изучают развитие масс, народов, рас и человечества в целом. Они исследуют индивидуальность и необратимый поток событий. Если естественные науки подвергают исследованию события, случаемся только однажды, такие, как геологические изменения или биологическую эволюцию видов, они смотрят на него как на пример действия общих законов. Однако история не в состоянии проследить события до действия вечных законов. Поэтому при изучении события первостепенный интерес представляют не черты, которые могут быть общими с чертами других событий, а его индивидуальные характеристики. Исследуя убийство Цезаря, история изучает не убийство, а убийство человека по имени Цезарь.

Само понятие закона природы, сила которого ограничена определенным периодом времени, является внутренне противоречивым. Опыт, будь то обыденные наблюдения в процессе повседневной жизни, или тщательно подготовленные эксперименты, относится к индивидуальным историческим случаям. Но естественные науки, направляемые их необходимым априорным детерминизмом, предполагают, что закон должен проявлять себя в каждом индивидуальном случае, и делают обобщения с помощью того, что называется индуктивным выводом.

Современную эпистемологическую ситуацию в области квантовой механики было бы корректно описать с помощью следующего утверждения: мы знаем различные схемы, в соответствии с которыми ведут себя атомы и мы знаем пропорции, в которых каждая из этих

схем становится актуальной. Это описало бы состояние нашего знания как пример вероятности класса: мы знаем все о поведении всего класса в целом; о поведении отдельного члена класса мы знаем только то, что он входит в число членов класса³². Нецелесообразно и обманчиво применять к данным проблемам термины, используемые при изучении человеческой деятельности. К подобной фигуральной речи прибегал Бертран Рассел: атом «сделает» что-то, «существует определенный набор альтернативных вариантов, открытых для него, и он выбирает иногда один, иногда другой»³³. Причина, по которой лорд Рассел избирает такие неуместные термины, становится очевидной, если мы примем во внимание тенденцию его книги и всех его работ. Он хочет стереть различие между действующим человеком и человеческой деятельностью, с одной стороны, и с нечеловеческими событиями, с другой. На его взгляд, «различие между нами и камнем только в степени»; ибо «мы реагируем на раздражения, и то же самое делают камни, хотя раздражений, на которые реагируем мы, меньше»³⁴. Лорд Рассел позволяет себе не упоминать фундаментальную разницу в способе, которым «реагируют» камни и люди. Камни реагируют в соответствии с вечными моделями, которые мы называем законами природы. Реакция людей не отличается таким же единообразием; как говорят и праксиологи, и историки, люди ведут себя индивидуально. Еще никому не удавалось поделить разных людей на классы, каждый член которого ведет себя в соответствии с одной и той же моделью.

7. Автономия наук о человеческой деятельности

Фразеология, использовавшаяся в старом противоборстве детерминизма и индетерминизма, неуместна. Она не описывает корректно суть полемики.

Поиск знания всегда касается взаимной связи событий и познания факторов, вызывающих изменения. В этом смысле и естественные науки, и науки о человеческой деятельности подчинены категории причинности и детерминизму. Ни одно действие не может быть успешным, если не направляется истинным – в прагматическом смысле – пониманием того, что обычно называется отношением причины и следствия.

Науки о человеческой деятельности должны отвергнуть не детерминизм, а позитивистское и панфизикалистское искажение детерминизма. Они акцентируют на факте, что действия людей определяют идеи, и что, по крайней мере, при настоящем состоянии человеческой науки невозможно свести возникновение и трансформацию идей к физическим, химическим или биологическим факторам. Именно эта невозможность конституирует автономию наук о человеческой деятельности. Возможно, когда-нибудь естественные науки и будут в состоянии описать физические, химические и биологические явления, которые в теле человека Ньютона необходимо и неизбежно порождают теорию гравитации. А до тех пор мы должны удовлетвориться изучением истории идей как частью наук о человеческой деятельности.

Науки о человеческой деятельности ни в коем случае не отвергают детерминизм. Цель истории – полностью выявить факторы, действовавшие в процессе создания определенного события. История целиком и полностью руководствуется категориями причины и следствия. Ретроспективно вопроса о случайности не возникает. Понятие случайности, используемое при трактовке человеческой деятельности, всегда относится к неопределенности для человека будущих событий и ограничениях специфического исторического метода понимания будущих событий. Оно имеет отношение к ограничениям человеческого поиска знания, а не к условиям Вселенной или какой-то из ее частей.

³² О разграничении вероятности класса и вероятности события см.: Мизес Л. Человеческая деятельность. С. 103–108.

³³ Russell B. Religion and Science. (Home University Library). London: Oxford University Press, 1936. P. 152–158.

³⁴ Ibid. P. 131.

Глава 6 Материализм

1. Две разновидности материализма

В современной речи термин «материализм» имеет два совершенно различных значения.

Первое связано с ценностями. Оно характеризует ментальность людей, которые желают только материального богатства, телесных удовольствий и чувственных наслаждений.

Второе значение является онтологическим. Оно обозначает доктрину, согласно которой все человеческие мысли, идеи, ценностные суждения и волеизъявления – продукты физических, химических и биологических процессов, происходящих в теле человека. В результате в этом смысле материализм отрицает значимость тимологии и наук о человеческой деятельности, праксиологии, а также истории; научными являются только естественные науки. В этой главе мы будем иметь дело только со вторым значением.

Материалистический тезис никогда не был доказан или конкретизирован. Материалисты не выдвигали ничего, кроме метафор и аналогий. Они сравнивают работу человеческого разума с действием машины или с физиологическими процессами. Обе аналогии несущественны и ничего не объясняют.

Машина представляет собой устройство, сделанное человеком. Она является осуществлением замысла и работает в точном соответствии с планом ее авторов. Продукт ее функционирования производится не чем-то, что находится внутри нее, а целями, которые посредством ее создания стремился осуществить конструктор. Именно конструктор и оператор, а не машина, создают продукт. Приписывать машине какую-либо активность – это антропоморфизм и анимизм. Машина не управляет своим функционированием. Она не движется; она приводится в движение и поддерживается в движении людьми. Она – мертвое орудие, используемое человеком, и останавливается как только действие импульса оператора прекращается. Материалист, прибегающий к метафоре машины, прежде всего должен объяснить: кто сконструировал человека-машину и кто им управляет? В чьих руках он служит орудием? Трудно найти другой ответ на эти вопросы, кроме одного: Создатель.

Автоматические устройства обычно называют самодействующими. Эта идиома также является метафорой. Расчеты производит не ЭВМ, а оператор посредством инструментов, искусно разработанных изобретателем. Машина не имеет интеллекта; она не думает, не избирает цели, не прибегает к средствам для осуществления преследуемых целей. Все это всегда делает человек.

Физиологическая аналогия более разумна, чем механистическая аналогия. Мышление неразрывно связано с физиологическими процессами. Насколько физиологический тезис просто акцентирует этот факт, он не является метафорическим; но он мало что говорит по существу. Ибо проблема как раз в том, что мы не знаем ничего о физиологических явлениях, составляющих процесс, производящий стихи, теории и планы. Патология предоставляет богатую информацию об ухудшении или полном уничтожении умственных способностей в результате повреждений мозга. Анатомия предоставляет не менее богатую информацию о химической структуре клеток мозга и их физиологическом поведении. Но несмотря на прогресс физиологического знания, о проблеме связи разума и тела нам известно не больше, чем древним философам, первыми задумавшимися над ней. Ни одна из их доктрин не была доказана или опровергнута вновь полученным физиологическим знанием.

Мысли и идеи не являются фантомами. Они реальны. Несмотря на неосвязаемость и нематериальность, они являются движущей силой, вызывающей изменения в царстве осязаемых и материальных вещей. Они порождаются какими-то неизвестными процессами, происходя-

щими в теле человеческого существа, и могут быть постигнуты только при помощи процессов такого же рода, происходящих в теле их автора или телах других человеческих существ. Их можно назвать творческими и оригинальными в той мере, в какой сообщаемый ими импульс и вызываемые ими изменения зависят от их возникновения. Мы можем выяснить все, что хотим о жизни идеи и результатах ее существования. О ее рождении мы можем узнать только то, что она порождена индивидом. Мы не можем проследить ее историю дальше в прошлое. Возникновение идеи суть инновация, новый факт, добавленный к миру. *Для разума людей*, вследствие недостатка нашего знания, идея являет собой что-то новое, что не существовало прежде.

Удовлетворительная материалистическая доктрина должна описать последовательность событий, происходящих в материи, производящей определенные идеи. Она должна объяснить, почему люди соглашаются или не соглашаются по определенным проблемам. Она должна объяснить, почему один человек добивается успеха в решении проблемы, а другие нет. Но ни одна материалистическая доктрина до сих пор этого не объяснила.

Поборники материализма сосредоточивают свои усилия на доказательстве несостоятельности всех других теорий, выдвигаемых для решения проблемы разума и тела. Особенно неистово они сражаются с теологическими интерпретациями. Однако опровержение теории не доказывает обоснованность другой теории, с ней не согласной.

Возможно, рассуждая о своей природе и происхождении, человеческий разум поступает слишком дерзко и самонадеянно. Может быть, действительно, как утверждает агностицизм, данное знание навсегда скрыто от смертных людей. Но даже если это так, это не оправдывает признание логическими позитивистами вопросов, возникающих в связи с данной проблемой, бессодержательными и бессмысленными. Вопрос не является бессмысленным только потому, что человеческий разум не может дать на него удовлетворительного ответа.

2. Аналогия секреции

Печально известная формулировка материалистического тезиса утверждает, что мысли находятся в таком же отношении к мозгу как желчь к печени или моча к почкам³⁵. Как правило, материалистические авторы более осторожны в своих высказываниях. Но по существу все, что они говорят, равносильно этому наводящему на размышление изречению.

Физиологи проводят различие между мочой химически нормального состава и другими типами мочи. Отклонение от нормального состава объясняется определенными отклонениями физического состояния тела или функционирования органов тела от того, что считается нормальным и здоровым. Эти отклонения также следуют регулярным моделям. Определенное ненормальное или патологическое состояние тела отражается в соответствующем изменении химического состава мочи. Усвоение определенных продуктов, напитков и лекарств вызывает соответствующие явления в составе мочи. У здоровых людей, тех, что обычно называют нормальными, моча, в определенных узких границах, имеет одинаковую химическую природу.

С мыслями и идеями все обстоит совсем иначе. Относительно них не возникает вопроса нормальности и отклонений от нормальности, следующих определенным моделям. Некоторые телесные повреждения или усвоение некоторых лекарств и напитков затрудняет и расстраивает способность человека мыслить. Но даже эти расстройства не протекают одинаково у разных людей. Разные люди имеют разные идеи, и ни одному материалисту еще не удалось свести эти различия к факторам, которые можно описать на языке физики, химии или психологии. Любые ссылки на естественные науки и на материальные факторы, с которыми они имеют дело, бесполезны когда мы задаемся вопросом, почему одни люди голосуют за республиканцев, а другие – за демократов.

³⁵ Vogt C. Kohlerglaube und Wissenschaft. 2d ed. Giessen, 1855. S. 32.

По крайней мере до сегодняшнего дня естественным наукам не удалось обнаружить какие-либо телесные или материальные свойства, наличие или отсутствие которых можно приписать содержание идей и мыслей. Фактически, проблема разнообразия содержания идей и мыслей никогда не ставилась в естественных науках. Они могут изучать только объекты, которые влияют на чувственные ощущения или модифицируют их. Но идеи и мысли не оказывают прямого влияния на ощущения. Они характеризуются смыслом, а для постижения смысла методы естественных наук не годятся.

Идеи оказывают влияние друг на друга, они стимулируют появление новых идей, они вытесняют или трансформируют другие идеи. Все, что материалисты могут предложить для трактовки идей – это метафорические ссылки на понятие инфицирования. Это сравнение поверхностно и ничего не объясняет. От тела к телу заболевания передаются посредством миграции бактерий и вирусов. Никому ничего не известно о миграции агента, который передавал бы мысли от человека к человеку.

3. Политический подтекст материализма

Материализм возник как реакция на первобытную дуалистическую интерпретацию бытия и сущностной природы человека. В свете этих верований живой человек был соединением двух отдельных частей: смертного тела и бессмертной души. Смерть разделяет эти две части. Душа исчезает из поля зрения живых и подобно тени продолжает существовать вне досягаемости земных сил в царстве мертвых. В исключительных случаях душе позволено ненадолго вновь появиться в чувственном мире живых, а еще живому человеку нанести короткий визит в загробное царство.

Эти грубые представления были облагорожены религиозными доктринами и идеалистической философией. Если примитивные описания царства душ и активности его обитателей не выдерживают критической проверки, и их легко подвергнуть осмеянию, то утонченные догматы религий не в силах убедительно опровергнуть ни априорные рассуждения, ни естественные науки. История может разрушить исторические повествования теологической литературы. Но это никак не отражается на сути веры. Разум не может ни доказать, ни опровергнуть фундаментальных религиозных доктрин.

Но материализм в том виде, как он возник в XVIII в. во Франции, был не просто научной доктриной. Он был также частью словаря реформаторов, которые боролись против злоупотреблений «старого режима» [15]. Прелаты церкви в королевской Франции за небольшим исключением принадлежали к аристократии. Их больше интересовали придворные интриги, чем исполнение церковных обязанностей. Их заслуженная непопулярность сделала популярными антирелигиозные тенденции.

Дебаты о материализме утихли бы к середине XIX в., если бы к ним не примешивалось никаких политических проблем. Люди осознали бы, что современная наука ничего не внесла в прояснение и анализ психологических процессов, генерирующих определенные идеи, и, сомнительно, будут ли будущие ученые удачливее в решении этой задачи. Материалистическая догма рассматривалась бы как предположение о проблеме, удовлетворительное решение которой, по-видимому, по крайней мере в настоящее время, не достижимо для человеческого поиска знаний. Ее сторонники не могли бы считать ее неопровержимой научной истиной и не смели бы обвинять ее критиков в мракобесии, невежестве и суеверии. Материализм был бы заменен агностицизмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.